

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 25

2022

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Голенко Д.В. О ЯЗЫКЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА	5
Щур Е.О. ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ЗА НИХ	10
Юридическая техника	
Кирюшина И.В. ПОНЯТИЕ «СУЩЕСТВЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ» В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ANTIPOССИЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САHCИЙ	15
Поляков В.В. К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В КРИМИНАЛИСТИКЕ	21
Поповская В.И. ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ФЗ «ОБ ОСНОВАХ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»)	29
Юридическая герменевтика	
Караваева Ю.С. ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ В СВЕТЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ С ПРИЗНАКАМИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ: АНАЛИЗ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	35
Лингвоэкспертология	
Зуга О.В. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ С ОПОРОЙ НА ДАННЫЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КОММЕНТАРИЕВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)	42
Лингвоконфликтология	
Голев Н.Д., Мельникова В.С., Юнг Д.А. ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ НА ТЕМУ ВАКЦИНАЦИИ ОТ КОРОНАВИРУСА)	50
Рецензии. Хроника. Информация	
Бегишев И.Р., Берсей Д.Д., Кирпичников Д.В., Шутова А.А., Хисамова З.И. ЦИФРОВОЙ МИР: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ	55

CONTENTS

Legal Communication	
<i>Golenko D.V.</i> ON THE LANGUAGE OF THE SPECIAL PART OF THE MODERN CRIMINAL LAW	5
<i>Shchur E.O.</i> CRIMES IN FICTION AND ALLEGED PUNISHMENTS	10
Legal Techniques	
<i>Kiryushina I.V.</i> THE CONCEPT OF "SIGNIFICANT CHANGE IN CIRCUMSTANCES" IN THE CONTEXT OF NEW ANTI-RUSSIAN ECONOMIC SANCTIONS	15
<i>Polyakov V.V.</i> ON USING THE CONCEPT OF "ARTIFICIAL INTELLIGENCE" IN FORENSIC SCIENCE	21
<i>Popovskaya V.I.</i> FEATURES OF HEADINGS OF LEGISLATIVE TEXTS (CASE STUDY OF THE FEDERAL LAW "ABOUT BASES OF PROTECTION OF PUBLIC HEALTH IN THE RUSSIAN FEDERATION")	29
Legal hermeneutics	
<i>Karavaeva Y.S.</i> PUBLIC DANGER AND EXPEDIENCY IN RELATION TO CRIMINALIZATION OF ACTS WITH SIGNS OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE: ANALYSIS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT	35
Linguoexpertology	
<i>Zuga O.V.</i> SEMANTIC STUDY OF MATERIALS ON EXTREMISM-RELATED CRIMES THROUGH DATA FROM THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE (CASE STUDY OF COMMENTS ON THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE)	42
Linguoconflictology	
<i>Golev N.D., Melnikova V.S., Jung D.A.</i> CONCEPTUAL AND CATEGORICAL DESCRIPTION OF THE CONFLICT SITUATION (CASE STUDY OF INTERNET COMMENTS ON VACCINATION AGAINST CORONAVIRUS)	50
Reviews. Chronicle. Information	
<i>Begishev I.R., Bersey D.D., Kirpichnikov D.V., Shutova A.A., Khisamova Z.I.</i> DIGITAL WORLD: TERMINOLOGICAL REFERENCE DICTIONARY IN OFFICIAL DOCUMENT DEFINITIONS	55

О языке Особенной части современного уголовного закона

Д.В. Голенко

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
Московское шоссе, 34, 443086, Самара, Россия. E-mail: golenko.diana@bk.ru*

Статья посвящена исследованию языка Особенной части УК РФ как компонента законодательной техники. В ней обозначены некоторые дискуссионные вопросы использования языка при построении диспозиций статей Особенной части УК РФ. Автор обращает внимание на наличие в некоторых случаях терминологической неопределенности в современном уголовном законе. Законодатель использует термины, содержание которых не всегда единообразно понимается на практике, что влечет за собой различные уголовно-правовые последствия для лиц, совершивших преступления. Например, одни и те же действия лица могут рассматриваться в одних случаях как оконченное преступление, в других – покушение на преступление. Анализируется практика применения ст. 126, ст. 138.1 УК РФ, обозначаются пути возможного устранения возникающих противоречий в практике применения закона. Обращено внимание на наличие различных терминов, используемых для обозначения одних и тех же понятий, а также на обратную ситуацию – когда один термин обозначает различное. В качестве примера приведены составы преступлений с административной преюдицией. Важным является стремление к унификации терминов, обозначающих одно и то же, исключению ситуаций, когда один и тот же термин в законе имеет различное значение. Исследуется вопрос излишнего определения терминов в Особенной части УК РФ, содержание которых ясно для правоприменителя. Также обозначено излишнее дублирование определения терминов, содержание которых определено в отраслевом законодательстве. Такие определения увеличивают объем законодательства, но не имеют практического смысла. Язык Особенной части уголовного закона должен быть понятным. Термины, которыми пользуется законодатель, должны быть четкими и иметь устоявшееся единое понимание. Краткость и объемность статей Особенной части уголовного закона не должны наносить ущерб их точности и ясности.

Ключевые слова: законодательная техника, уголовный закон, Особенная часть уголовного кодекса, язык уголовного закона.

On the Language of the Special Part of the Modern Criminal Law

D.V. Golenko

*Samara National Research University
34 Moskovskoye shosse, 443086, Samara, Russia. E-mail: golenko.diana@bk.ru*

The article concentrates on the study of the language of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation as a component of legislative technique. It outlines some debatable issues of using the language when constructing dispositions of the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The author draws attention to some terminological ambiguity in modern criminal law. The legislator uses terms, the content of which is not always uniformly rendered in practice, which entails various penal consequences for the perpetrators of crimes. For example, the same actions of a person can be considered in some cases as a completed crime, in others as an attempted crime. The practice of applying Art. 126 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 138.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the ways of possible elimination of emerging contradictions in the practice of applying the law are indicated. Attention is drawn to the presence of different terms used to refer to the same concepts, as well as the opposite situation - when one term means different things. Corpus delicti with administrative prejudice is given as an example. It is important to strive for the unification of terms that mean the same thing, to exclude situations where the same term in law has a different meaning. The article investigates the issue of excessive definition of terms in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation the content of which is clear to the law enforcer. Also, redundancy in the definition of terms the content of which is specified in the sectoral legislation is indicated. Such definitions increase the scope of legislation, but have no practical meaning. The

author comes to the conclusion that the language of the Special Part of the Criminal Law should be understandable. The terms used by the legislator must be clear and have a well-established common understanding. The brevity and length of the articles of the Special Part of the Criminal Law should not damage their accuracy and clarity.

Key words: legislative technique, criminal law, special part of the criminal code, language of the criminal law.

Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) регулярно обновляется. Например, на 1 апреля 2022 года 4 федеральными законами она дополнена тремя новыми статьями, две статьи представлены в новой редакции, более десяти статей изменены в части. При создании новых статей и совершенствовании имеющихся законодатель прибегает к различным приемам, средствам и правилам законодательной техники. Важным условием эффективного преобразования Особенной части УК РФ является умелое использование разработанной теорией и проверенной практикой богатого инструментария законодательной техники. Язык уголовного закона является компонентом законодательной техники. Оценка его состояния является актуальной и важной задачей для современной теории и практики. Уголовный закон представляет собой самый суровый закон, и его неверное понимание или применение может существенным образом повлиять на жизнь конкретного человека. Ошибки в текстуальном выражении мысли законодателя могут привести к различным последствиям. В одних случаях это может быть существенное необоснованное ограничение прав человека в результате неправильного понимания закона. В других – наоборот, невозможность добиться защиты нарушенного права и (или) свободы, так как статья, которая «задумывалась» законодателем для решения существующих проблем, на деле оказывается «мертвой», поскольку трудно понять ее содержание, или она противоречит уже имеющимся. Согласно официально опубликованной судебной статистике, за период с 2019 по 1-е полугодие 2021 года около 20-25 % новых статей на практике не применяются [Голенко 2021: 27-28]. Одной из возможных причин неприменения законодательных новелл является наличие случаев сложного текстуального выражения мысли законодателя, затрудняющее ее понимание правоприменителем. Несмотря на имеющиеся научные работы по языку закона, активная законотворческая деятельность создает условия для постановки новых задач в науке, предоставляет объемный практический материал для изучения и анализа. Теоретическая значимость исследования состоит в углублении знаний о языке Особенной части уголовного закона с учетом его современного состояния. Практическая значимость – возможный учет при построении уголовного закона и его применении теоретических выводов, осуществленных на основе анализа современной Особенной части УК РФ.

Используемые в уголовном законе понятия и формулировки должны быть ясными, четкими и понятными, а термины – определенными. Анализируя современную Особенную часть УК РФ, обозначим ряд дискуссионных вопросов, касающихся ее языка.

Одной из проблем является терминологическая неопределенность. Как справедливо отмечает Д.А. Керимов, специальные термины должны использоваться тогда, когда они адекватно отражают понятие и являются устоявшимися [Керимов 2021: 63]. Например, лаконичная ст. 126 УК РФ на практике вызвала дискуссии. Законодатель не определил содержание понятия похищения человека, возможно, предполагая, что его содержание ясно. Однако в решениях Верховного Суда РФ до 2019 года встречаются различные позиции понимания похищения человека [Голенко 2021: 53-54]. В одних случаях суды рассматривали похищение человека как захват, перемещение и последующее удержание, в других – только захват и перемещение с целью удержания. В результате одни и те же действия (захват и перемещение) в одних случаях квалифицированы судами как оконченное преступление, в других – как неоконченное преступление. От такого различного понимания закона для лиц, совершивших преступления, наступали различные уголовно-правовые последствия. В 2019 году Верховный Суд РФ принял постановление по делам о похищении человека, которое внесло определенную ясность. Однако позиция суда по этому вопросу – один из вариантов толкования уголовного закона. Термин, используемый законодателем, должен быть ясным и не допускать различных толкований. В настоящее время это не достигнуто на уровне законодательства. Решение видится в раскрытии в диспозиции ч. 1 ст. 126 УК РФ признаков похищения человека.

Еще одним примером служит язык статьи 138.1 УК РФ. Первоначальная редакция этой статьи не раскрывала содержания понятия «специального технического средства, предназначенного для негласного получения информации». Лица привлекались к ответственности за продажу брелока со скрытой видеокамерой, очков со встроенной видеокамерой [Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) 2019: 538], ручек с диктофоном и др. Резонанс вызвало уголовное дело, согласно которому фермер В. заказал на сайте многофункциональное устройство «Мини А8» для отслеживания места нахождения теленка и получил его в почтовом отделении, но воспользоваться им не успел. Уголовное дело было возбуждено по ст. 138.1 УК РФ, расследовано и передано в суд. Суд вернул дело прокурору. Спустя время следственные органы прекратили дело в связи с отсутствием состава преступления – не установили наличие умысла на негласное получение информации [Мякишева 2018]. СМИ указывали, что это дело послужило одним из поводов изменения ст. 138.1 УК РФ. В 2019 году она была дополнена примечаниями, определяющими содержание предмета преступления [Присматривать разрешается 2019]. Однако анализ судебной практики свидетельствует, что проблема применения ст. 138.1 УК РФ состояла не столько в отсутствии понимания содержания понятия «специального технического средства, предназначенного для негласного получения информации», сколько в пределах действия статьи, определения круга правоотношений, к которым она применяется. В примечании 2 к ст. 138.1 УК РФ содержится перечень средств, которые не могут быть отнесены к предмету преступления по этой статье, но уголовные дела возбуждались как раз по тем предметам, которые эксперты

признавали специальными техническими средствами. Эти предметы приобретались не для нарушения конституционных прав граждан, а для бытовых нужд, обеспечения безопасности себя или членов семьи, домашних животных. Подтверждает это, например, дело К. [Приговор Одинцовского районного суда г. Москвы № 01-0025/2020]. К. приобрел два устройства «WiFi роутера самегга» для использования его в качестве «радионяни». Видеорегистратор был замаскирован под лампу, имеющую аудио- и видеозапись. К. вкручивал в осветительные приборы эти устройства и смотрел за ребенком. В связи с тем, что данный прибор постоянно мигал, был очень шумным, кричал на иностранном языке при подключении, К. принял решение их продать. Экспертиза подтвердила, что эти устройства относятся к специальным техническим средствам, предназначенным для негласного получения информации. Суд оправдал К., указав, что он не был осведомлен о том, что эти устройства относятся к предмету преступления ст. 138.1 УК РФ, и не имел намерения продать их в качестве средства, с помощью которого возможно осуществить посягательства на конституционные права граждан. В этом деле, как и в деле фермера В., речь идет об отсутствии умысла на негласное получение информации. Однако в ст. 138.1 УК РФ законодатель не предусматривает цель в качестве обязательного признака состава преступления. Из той редакции статьи, в которой она представлена сейчас, посягательство на конституционные права и свободы человека и гражданина (объект главы 18 УК РФ) состоит в незаконном обороте предметов, указанных в статье, а в случае К. и В. он (оборот) осуществлен. Поэтому возникает вопрос о том, правильно ли описаны признаки состава преступления в диспозиции ст. 138.1 УК РФ. Цель совершения указанного деяния сформулирована в правоприменительной практике, но не законодателем. Такое толкование закона не в полной мере вытекает из содержания ст. 138.1 УК РФ и примечаний к ней. Выходом из сложившейся ситуации является уточнение содержания статьи 138.1 УК РФ.

Еще одной проблемой языка Особенной части УК РФ является раскрытие содержания терминов, которые ясны. Законодатель увеличивает объем закона без какой-либо практической цели. Так, термин «незаконный» широко используется в Особенной части УК РФ (ст. 215.4, 234, 235.1, 258, 260, 283.1, 289, ч. 3 ст. 290, ст. 292.1 и др.). Незаконный – то есть противоречащий действующему законодательству. У этого термина нет каких-либо иных смыслов. Законодатель его использует более чем в десяти статьях Особенной части УК РФ. Однако его содержание раскрывает для одной ст. 215.1 УК РФ. Там указано, что незаконное – это «совершенное в нарушение установленного законодательством Российской Федерации порядка». Это примечание распространяет свое действие только на одну статью, однако данное определение теоретически можно применить к любой статье, в которой используется термин «незаконный». Таким образом, раскрытие термина, значение которого ясно, применение которого не вызывает сложности у правоприменителя и который используется в нескольких статьях, в примечании к одной статье является излишним.

Также излишним является дублирование содержания термина, который уже раскрыт в отраслевом законодательстве. Например, ст. 222 УК РФ в первоначальной редакции не имела примечаний, в которых раскрывалось содержание понятия огнестрельного оружия. В настоящее время введен п. 2 примечания к ст. 222 УК РФ, который полностью повторяет определение огнестрельного оружия из ст. 1 ФЗ от 13.12.1996 № 150-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «Об оружии». Диспозиция статьи 222 УК РФ бланкетная. В отраслевом законодательстве раскрыто содержание термина «огнестрельное оружие», повторение его в уголовном законе является излишним. В этом случае увеличение объема Особенной части УК РФ не имеет практического значения.

Еще одна сложность в понимании языка Особенной части УК РФ и применении уголовного закона заключается в использовании законодателем различных терминов для обозначения одного и того же, либо использование одного термина для обозначения различных понятий [Иванчин 2020: 245].

В первом случае речь идет, например, о ситуациях, когда законодатель использует такие близкие термины, как «фальсификация» (ст. 172.1 УК РФ), «подделка документов» (ст. 327 УК РФ), «искажение сведений» (ст. 170 УК РФ) для обозначения близких по своему содержанию действий. Законодатель должен стремиться к унификации терминов, а не их многообразию. Это создает предпосылки для различного понимания уголовного закона, что может сказаться и на различном определении момента окончания преступного деяния. Различное понимание момента окончания может привести к ситуации, которая сложилась на практике при применении ст. 126 УК РФ, когда одни и те же действия одними судами квалифицировались как оконченное преступление, а другими – как неоконченное.

Во втором случае речь идет, например, о ситуации, когда законодатель использует один термин для обозначения различного. Например, такая ситуация сложилась с термином «неоднократность» и производными от него. В ст. 180 УК РФ законодатель не раскрыл содержания того, что понимается под неоднократным совершением деяния. Этого и не требовалось, поскольку значение термина (неоднократность) было понятно – совершение указанного деяния два и более раза. Верховный Суд РФ в одном из постановлений 2007 года подтвердил это, указав, что неоднократность подразумевает использование средств индивидуализации два и более раза. Но позднее законодатель ввел в Особенную часть УК РФ термин «неоднократность» в ином значении. Например, в п. 1 примечаний к ст. 157 УК РФ указано, что «неоднократно» подразумевает совершение деяния лицом, «подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию». В этом случае речь идет уже об иной неоднократности, не той, что подразумевается в ст. 180 УК РФ. Насколько преступление может быть аналогично административному правонарушению – конечно, вопрос дискуссионный, но, тем не менее, речь идет о совершении более двух раз административного правонарушения специальным субъектом. Но и в этом законодатель непоследователен. Например, в ст. 116.1 УК РФ речь идет также о совершении лицом административного правонарушения два и более раза, формулировка используется та же, но термин «неоднократность» уже не употребляется в статье, в отличие от ст. 157 УК РФ. Такая непоследовательность в

использовании одного и того же термина или в его неиспользовании в одних и тех же ситуациях (116.1 и 157 УК РФ) усложняет текст уголовного закона, делает его нелогичным и противоречивым. Законодатель должен придерживаться единообразного понимания термина «неоднократность». Возможно, более удачным было бы сохранение его первоначального значения, использованного в ст. 180 УК РФ. Также видится важным использование единых языковых конструкций при построении составов с административной преюдицией (ст. 116.1, 157 УК РФ и др.).

Еще одним дискуссионным вопросом является использование таких оборотов, которые не несут какого-либо самостоятельного смысла и не уточняют смысла всей статьи. Например, в ст. 158.1 УК РФ указано – воспрепятствование «в какой бы то ни было форме». Этот оборот не уточняет содержания термина «воспрепятствование», более того, он не определяет и не уточняет способа совершения преступления. Любой способ в этом случае считается преступным. Возникает множество вопросов: об обоснованности такого рода криминализации, о дифференциации ответственности и др. Признаки состава преступления должны быть четко и ясно обозначены законодателем.

Помимо вопросов терминологии важным является построение статьи. Она должна быть логична, лаконична и понятна. Недостаток видится как в необоснованной краткости, так и в объемности диспозиций статей Особенной части УК РФ. Например, диспозиция ч. 1 ст. 144.1 УК РФ состоит из 249 слов, а диспозиция ч. 1 ст. 126 УК РФ – из 2. Как показывает практика, обе статьи не являются ясными для правоприменителя. Другой пример неудачного построения текста – п.1 примечания к ст. 157 УК РФ. Его смысл понять сложно, поскольку законодатель дважды полностью повторяет в нем диспозицию части 1 этой же статьи. Альтернативный пример краткости – ст. 264.2 УК РФ, где законодатель не называет признаки состава преступления словами, а делает отсылки к статьям КоАП РФ. Простота изложения закона не должна наносить вред его полноте и точности [Керимов 2021: 65]. Все это усложняет процесс понимания и применения уголовного закона.

В работе изложены некоторые дискуссионные вопросы языка Особенной части УК РФ. Приведенные примеры подтверждают, что язык должен быть прост и понятен. Точность понятий и формулировок, определенность используемых терминов, лаконичность и логичность уголовного закона создают условия для одинакового его понимания и толкования, единообразного применения, а это является определенной гарантией соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Литература

Голенко Д.В. О тенденциях развития Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / Юридический вестник Самарского университета. - 2021. - Т. 7, № 4. - С. 26–29. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-4-26-29>

Голенко Д.В. Проблемы применения простой диспозиции статьи особенной части уголовного закона (на примере ч. 1 ст. 126 УК РФ) / Юридический аналитический журнал. 1- 2021. - № 6 (1). - С. 49–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2021-16-1-49-58>.

Иванчин А.В. Конструирование преступления: теория и практика. М., 2020.

Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 2021.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2019.

Мякишева Ю. Закрыли дело против курганского фермера, купившего GPS-трекер / Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/03/21/reg-urfo/delo-protiv-fermera-kupivshego-gps-treker.html>

Приговор Одинцовского районного суда г. Москвы по делу № 01-0025/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru>

Присматривать разрешается / Российская газета. Столичный выпуск - № 172 (7930). URL: <https://rg.ru/2019/08/06/zakon-stal-menee-strog-k-vladelcam-tak-nazyvaemyh-shpionskih-gadzhetrov.html>

References

Criminal code of the Russian Federation. Commentary with guide for juridical practice. (2019). Edited by Doctor of Law, Professor A.I. Chuchaev. Moscow (in Russian).

Golenko, D. V. (2021). Development trends of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation. Juridical Journal of Samara University, 7, 4, 26–29. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-4-26-29> (in Russian).

Golenko, D. V. (2021) Simple disposition of an article in a Special part of the criminal law (on the example of kidnapping). Juridical Analytical Journal, 16(1), 49–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2021-16-1-49-58> (in Russian).

It is allowed to look after. Rossiyskaya gazeta (2019). Stolichny issue. No. 172 (7930). URL: <https://rg.ru/2019/08/06/zakon-stal-menee-strog-k-vladelcam-tak-nazyvaemyh-shpionskih-gadzhetrov.html> (in Russian).

Ivanchin, A.V. (2020). Construction of a crime: theory and practice: a monograph. Moscow (in Russian).

Kerimov, D.A. (2021). Legislative technique: scientific-methodical and educational manual. Moscow (in Russian).

Myakisheva, Y. (2018). The case against a Kurgan farmer who bought a GPS tracker was closed. Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2018/03/21/reg-urfo/delo-protiv-fermera-kupivshego-gps-treker.html> (in Russian).

Sentence of the Odintsovsky District Court of Moscow (2020). The case No. 01-0025/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru> (in Russian).

Citation:

Голенко Д.В. О языке Особенной части современного уголовного закона // Юрислингвистика. – 2022. – 25. – С. 5-9.

Golenko D.V. (2022). On the Language of the Special Part of the Modern Criminal Law. Legal Linguistics, 25, 5-9.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Преступления в художественной литературе и возможные меры наказания за них

Е.О. Щур

*Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации
Верхняя Масловка 15, 127083, Москва, Россия. E-mail: ecaterinashur@gmail.com*

В статье рассматривается ряд произведений русской и зарубежной литературы, в которых фигурируют те или иные преступления. Автором рассмотрены различные обстоятельства совершенных преступлений, которые отягчают или смягчают вину правонарушителя. Также были рассмотрены соответствующие статьи современного российского законодательства, относящиеся к исследуемым преступлениям. На основании проведенного анализа, автором предложены возможные меры наказания, к которым могли быть привлечены герои рассматриваемых произведений.

Ключевые слова: Уголовный Кодекс, преступление, наказание, художественная литература.

Crimes in Fiction and Alleged Punishments

E.O. Shchur

*Financial University under the government of the Russian Federation
15 Verhniaia Maslovka, 127083, Moscow, Russia. E-mail: ecaterinashur@gmail.com*

The article discusses a number of works of Russian and foreign literature in which certain crimes appear. The author considers various circumstances of the crimes committed, which aggravate or mitigate the guilt of the offender. There also were considered some relevant articles of modern Russian legislation related to the crimes under these investigations. According to the analysis, the author suggests alleged punishments which the heroes of the books could be awarded.

Key words: Criminal Code, crime, punishment, fiction.

Введение

С момента появления книг авторы описывают в них самые актуальные проблемы и переживания. Нередко в центре внимания читателя оказывается преступление, совершенное героем, его переживания, нередко – наказание.

Исследование темы преступлений в литературе довольно распространено. Так, например, Клебанов Л.Р. в своей работе рассматривает преступное поведение героев от «Илиады» до произведений Коэльо. Также проблема преступлений в литературе находит свое отражение в научных работах Прокуровой Н.С. и Фаргиева И.А.

В данной статье было рассмотрено несколько произведений, в которых фигурирует преступление героя. Автор рассмотрел основные обстоятельства, которые могли быть учтены в процессе принятия решения о мере наказания. В основе исследования лежит допущение, что все рассматриваемые преступления подчиняются российскому законодательству 2021 года.

В ходе исследования автор приводит цитаты из произведений, свидетельствующие о том или ином условии, связанном с преступлением, и соответствующие статьи нормативно-правовых актов.

Для проведения исследования были выбраны те произведения, в которых мера наказания за преступления подчинена уголовному кодексу. Таким образом, в рамках проведенного исследования были рассмотрены такие произведения, как рассказ Ивана Сергеевича Тургенева «Муму», роман Федора Михайловича Достоевского «Преступление и наказание» и роман французского писателя Эмиля Золя «Тереза Ракен».

1. «Муму» И. С. Тургенев

Всем известная история о глухонемом Герасиме, утопившем свою собаку Муму.

Согласно статье 3.5 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными», действия Герасима можно классифицировать как жестокое обращение с животным, так как они привели к гибели собаки.

«Герасим ... окутал веревкой взятые им кирпичи, приделал петлю, надел ее на шею Муму, поднял ее над рекой...зажмурился и разжал руки...»

Обратясь к статье 245 Уголовного Кодекса Российской Федерации, видим, что за данное преступление возможен ряд мер ответственности, таких как:

- штраф (до 80 000 рублей),
- штраф в размере дохода за 6 месяцев,
- обязательные работы (до 360 часов),
- исправительные работы (до 1 года),
- ограничение свободы (до 1 года),
- арест (до 6 месяцев),
- лишение свободы (до 3 лет).

Учитывая, что Герасим был крепостным, можем исключить штраф в размере дохода за 6 месяцев в связи с отсутствием дохода как такового.

Следующий фактор, который стоит учитывать, определяя вид наказания Герасима, его врожденная глухонмота. Опираясь на Постановление Правительства РФ «О порядке и условиях признания лица инвалидом», можем сделать вывод о том, что Герасиму бы была назначена инвалидность (2 или 3 группы). Данный факт является обстоятельством, смягчающим вину, однако не освобождает ни от одной из мер наказания, в то время как I степень инвалидности исключает возможность обязательных и исправительных работ.

Еще одним обстоятельством, смягчающим вину, согласно ст. 61.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации, является физическое или психологическое принуждение. А, как следует из текста произведения, Герасим решился на жестокое обращение с Муму под психологическим давлением со стороны барыни, чье слово было для него равнозначно закону.

Таким образом, учитывая все обстоятельства рассматриваемого дела, с Герасима может быть взыскан штраф в размере до 80 000 рублей или могут быть применены обязательные или исправительные работы.

2. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский

Роман Федора Михайловича Достоевского – первое, что приходит на ум, когда мы говорим о правонарушениях, однако не все так однозначно в данном деле.

«Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом».

Раскольников ударом топора по голове убивает старуху процентщицу, что приводит нас к статье 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Стоит отметить, что в описании убийства присутствует ряд отягчающих обстоятельств. Так, например, автор говорит нам о совершении преступления с особой жестокостью: «Тут он изо всей силы ударил раз и другой, все обухом и все по темени» и из корыстных побуждений: «Кошелек был очень туго набит; Раскольников сунул его в карман, не осматривая», что находит свое отражение в пп. д) и з) п. 2 ст. 105 УК РФ.

Кроме того, мы знаем, что убита была и Лизавета, сестра Алены Ивановны: «Среди комнаты стояла Лизавета ... Он бросился на нее с топором; ... Удар пришелся прямо по черепу, острием, и сразу прорубил всю верхнюю часть лба, почти до темени. Она так и рухнулась». Данный факт, согласно пп. 2.а) ст. 105 УК РФ, квалифицируется как убийство 2 и более лиц. Говоря о Лизавете, также не можем не учитывать еще одно отягчающее обстоятельство, указанное в пп. б) той же статьи – убийство беременной женщины. Описывая Лизавету, автор сообщает нам, что та «поминутно была беременна».

Учитывая все вышеперечисленные обстоятельства, можем сделать вывод о том, что к Раскольникову могут быть применены такие меры наказания, как:

- лишение свободы (от 8 до 20 лет),
- пожизненное лишение свободы,
- смертная казнь.

С 1996 в России введен мораторий на смертную казнь, в связи с подписанием Конвенции о правах человека, что, в современных реалиях, исключает такую меру наказания для Родиона Раскольникова.

Пожизненное лишение свободы, согласно ст. 57 Уголовного Кодекса, применяется в основном в тех случаях, когда преступление было совершено против общественной безопасности, а также сопряжено с изнасилованием детей до 14 лет. Следовательно, и данная мера наказания не должна быть применена к Раскольникову.

Принимая решение о сроке лишения свободы, нельзя не учитывать обстоятельства, смягчающие наказание, указанные в статье 61.1 Уголовного Кодекса РФ. Согласно пункту и) данной статьи к таким обстоятельствам относится явка с повинной. Раскольников же является в полицейский участок и сообщает о своем преступлении: «Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором и ограбил». Отметим, что в ст. 142 Уголовно-процессуального Кодекса сказано, что явкой с повинной считается как письменное, так и устное заявление.

Еще одним фактором, который стоит учесть при рассмотрении данного дела, является психическое здоровье Раскольникова. Ряд современных исследований, в том числе представленных в статье Егорова И. В., говорят о том, что у Родиона Раскольникова наблюдались признаки шизофренического расстройства. И тут стоит обратиться к статьям 21 и 22 УК РФ для определения вменяемости Раскольникова в момент совершения преступления. Основной вопрос, на который необходимо ответить, – отдавал ли Родион себе отчет о совершаемых им действиях? В качестве ответа на данный вопрос может быть использована цитата из произведения: «Раскольников долго обдумывает свой план убийства, он сам не может поверить, что способен на это». Таким образом, мы понимаем, что решение

Раскольников об убийстве являлось осознанным и запланированным, а следовательно, подлежит уголовной ответственности.

Кроме того, и болезнь Раскольникова после совершения преступления не совпадает с описанным в статье 81 УК РФ, ибо, несмотря на неоспоримое психическое расстройство, Раскольников продолжает осознавать тяжесть содеянного. Таким образом, психическое состояние героя не может служить причиной освобождения от несения наказания, однако должно быть принято во внимание в качестве смягчающего обстоятельства.

Подводя итог вышеуказанным отягчающим и смягчающим обстоятельствам, можем сделать вывод, что Раскольников мог бы быть приговорен к лишению свободы на срок от 10 до 15 лет.

3. «Тереза Ракен» Эмиль Золя

Продолжая тему убийств и наказаний за него, рассмотрим преступление, описанное в произведении «Тереза Ракен».

В данном преступлении речь идет о том, что герой по имени Камилл был утоплен своим другом Лораном.

«Когда убийца, чуть не вскрикнув от боли, резким движением швырнул свою жертву в реку, в зубах у нее остался кусочек его кожи. Камилл с воем рухнул в воду. Он еще два-три раза всплывал на поверхность, и с каждым разом вопли его становились все глуше».

Однако стоит учитывать и ряд других условий данного преступления.

В первую очередь стоит отметить, что преступление было совершено группой лиц по предварительному сговору. Еще за некоторое время до дня преступления Лоран и Тереза договорились о том, чтобы избавиться от супруга.

«– Если бы муж умер... – медленно повторила Тереза.

– Мы бы поженились, уже ничего не боялись бы, без оглядки упивались бы любовью... Какая чудесная, безмятежная пошла бы жизнь!»

Можно было бы предположить, что виновен лишь Лоран, чьими руками было совершено преступление, но, основываясь на Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве», видим, что непосредственное участие обоих сообщников не является обязательным условием признания сообщничества. Автор, например, показывает нам, что потерпевший, Камилл, обращался к Терезе за помощью, но не нашел ее: «Тереза! Тереза! – снова прохрипел несчастный».

Кроме того, преступление можно квалифицировать как совершенное с особой жестокостью, так как потерпевший был сначала задушен, а затем утоплен: «Лоран все тряс Камилла, а другой рукою сдавливал ему горло».

Оба данных обстоятельства мы видим в пункте 2 статьи 105 УК РФ в пунктах д) и ж) соответственно. Таким образом, к Терезе и Лорану могут быть применены такие меры наказания, как:

- лишение свободы (от 8 до 20 лет),
- пожизненное лишение свободы,
- смертная казнь.

Смертная казнь и пожизненное лишение свободы не могут быть применены по причинам, указанным выше, в ходе рассмотрения преступления Родиона Раскольникова. Более того, согласно пп. 2 статей 57 и 59, женщина не может быть приговорена к пожизненному лишению свободы и смертной казни соответственно.

Учитывая, что преступление было совершено 2 лицами, необходимо определить, в какой степени будет распределяться ответственность. Согласно статье 67 УК РФ, определяющим фактором будет являться степень непосредственного участия в совершении преступления. Таким образом, Тереза Ракен с большой вероятностью могла бы быть приговорена к 8 годам лишения свободы, а Лоран, учитывая отсутствие каких-либо смягчающих обстоятельств, мог бы быть приговорен к 20 годам лишения свободы.

Стоит отметить, что оба героя могли бы быть освобождены от наказания, в соответствии со статьей 81 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Данная статья может быть применена к лицам, у которых психическое расстройство стало результатом совершенного ими преступления. Как следует из произведения, героям стали являться видения утопленника, что вызвало у них помутнения в рассудке. Однако еще одним критерием, указанным в данном нормативно-правовом акте, является невозможность оценивать содеянное и непонимание последствия своих действий. Обратясь к тексту, увидим, что Лоран и Тереза отдавали себе отчет в совершенном преступлении: «Раз двадцать они уже подходили вместе к двери полицейского участка. То Лоран хотел признаться в убийстве, то собиралась отдать себя в руки правосудия Тереза. Но каждый раз они выбегали на улицу вдогонку друг за другом и каждый раз, после взаимных оскорблений, сменявшихся страстной мольбой, решали еще немного подождать». Таким образом, автор вынужден остановиться на той мере наказания, что была указана в прошлом абзаце. Тереза и Лоран могли бы быть приговорены к лишению свободы сроком на 8 и 20 лет соответственно.

Таким образом, проведенное исследование позволило нам разобраться в тонкостях преступлений, совершенных героями различных литературных произведений. Более того, исследование демонстрирует нам, что многие, на первый взгляд очевидные решения, являются неверными при более детальном рассмотрении обстоятельств преступлений и соответствующих нормативно-правовых актов.

Литература

- Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. URL: <https://ilibrary.ru/text/69/p.1/index.html>
- Европейская конвенция о правах человека и смертная казнь. URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/death-penalty>
- Егоров И.В.* Патопсихологическая диагностика Раскольникова. URL: <https://www.b17.ru/article/pathopsychology/>
- Золя Э.* Тереза Ракен. URL: https://mir-knig.com/read_246566-1
- Клебанов Л.Р.* Преступник и преступление на страницах художественной литературы. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20042828>
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». URL: <https://clck.ru/Z6RWG>
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». URL: <https://clck.ru/Z6RXm>
- Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 N 95 (ред. от 26.11.2020) «О порядке и условиях признания лица инвалидом». URL: <https://clck.ru/Z6RTy>
- Приказ Минтруда России от 27.08.2019 N 585н (ред. от 19.01.2021) «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.11.2019 N 56528). URL: <https://clck.ru/Z6RVK>
- Прокурова Н.С.* Проблема преступления и наказания в литературе XIX века / Правозащитный потенциал гражданского общества. Практики, технологии, методики. Сборник материалов. Волгоград, 2016. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43145927>
- Тургенев И.С.* Муму. URL: <https://ilibrary.ru/text/1250/p.1/index.html>
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021). URL: <https://clck.ru/Z6RRK>
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021). URL: <https://clck.ru/Z6RMm>
- Фаргиев И.А.* Жертва преступления в художественной литературе / Юрист-правоведъ. – 2005. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43145927>
- Федеральный закон от 27.12.2018 N 498-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://clck.ru/Z6RSJ>

References

- Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 N 63-FZ (ed. from 01.07.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 08/22/2021). Available from: <https://clck.ru/Z6RMm> (in Russian).
- Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 18.12.2001 N 174-FZ (ed. from 01.07.2021, with amendments. from 09/23/2021). Available from: <https://clck.ru/Z6RRK> (in Russian).
- Decree of the Government of the Russian Federation of 20.02.2006 N 95 (ed. of 26.11.2020) "On the procedure and conditions for recognizing a person as disabled". Available from: <https://clck.ru/Z6RTy> (in Russian).
- Dostoevsky, F.M. Crime and punishment. Available from: <https://ilibrary.ru/text/69/p.1/index.html> (in Russian).
- Egorov, I.V. Pathopsychological diagnostics of Raskolnikov. Available from: <https://www.b17.ru/article/pathopsychology/> (in Russian).
- European Convention on Human Rights and the Death Penalty. Available from: <https://www.coe.int/ru/web/portal/death-penalty> (in Russian).
- Fargiev, I.A. Victim of crime in fiction/ jurist-pravoved 2005. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43145927> (in Russian).
- Federal Law No. 498-FZ of 27.12.2018 (as amended on 11.06.2021) "On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Available from: <https://clck.ru/Z6RSJ> (in Russian).
- Klebanov, L.R. The criminal and the crime on the pages of fiction. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20042828> (in Russian).
- Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation of 27.08.2019 N 585н (ed. of 19.01.2021) "On classifications and criteria used in the implementation of medical and social expertise of citizens by federal state institutions of medical and social expertise" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 18.11.2019 N 56528). Available from: <https://clck.ru/Z6RVK> (in Russian).
- Proкурова, N.S. (2016). The problem of crime and punishment in the literature of the XIX century. Human rights potential of civil society. Practices, technologies, techniques. Collection of materials. Volgograd. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43145927> (in Russian).
- Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015 N 58 (ed. of 18.12.2018) "On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation". Available from: <https://clck.ru/Z6RWG> (in Russian).

Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01/27/1999 No. 1 (ed. of 03.03.2015) "On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)". Available from: <https://clck.ru/Z6RXm> (in Russian).

Turgenev, I. S. Mumu . Available from: <https://ilibrary.ru/text/1250/p.1/index.html> (in Russian).

Zola Emile. Teresa Raken. Available from: https://mir-knig.com/read_246566-1 (in Russian).

Citation:

Щур Е.О. Преступления в художественной литературе и возможные меры наказания за них // Юрислингвистика. – 2022. – 25. – С. 10-14.

Schur E.O. (2022). Crimes in Fiction and Alleged Punishments. Legal Linguistics, 25, 10–14.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понятие «существенное изменение обстоятельств» в контексте новых антироссийских экономических санкций

И.В. Кирюшина

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: kirushina_ira@mail.ru

Статья посвящена исследованию категории «существенное изменение обстоятельств», а также смежных с ней категорий «прекращение обязательства невозможностью исполнения», «обстоятельства непреодолимой силы» с учетом практики их применения в условиях антироссийских экономических санкций и ограничений. Автор анализирует сложившаяся судебная практика изменения и прекращения договорных обязательств ввиду «санкционных обстоятельств» с применением указанных институтов. Имеющаяся судебная практика указывает на отрицательное, в большинстве случаев, отношение судов к применению ст. 451 ГК РФ как основания для изменения или расторжения договора, не рассматривая санкции как существенное изменение обстоятельств в контексте данной статьи. Автор делает вывод, что, безотносительно к политической и экономической конъюнктуре, существенным должно признаваться такое изменение обстоятельств, которое оказало непосредственное влияние на совершенную сторонами сделку и явилось прямым следствием тех негативных результатов, которые несет одна из сторон. При этом изменение обстоятельств должно выходить за рамки обычного делового оборота и в этом смысле носить «чрезвычайный» характер. Схожий подход применяется судами и при оценке санкций как основания прекращения обязательства ввиду невозможности их исполнения. Практическим выходом из ситуации видится включение в договор «антисанкционных заверений об обстоятельствах», в силу которых контрагент отказывается в дальнейшем от ссылки на санкции как на основание отказа от исполнения обязательства, а также внесение изменений в действующее законодательство, предусматривающих такое основание прекращения обязательства, как невозможность его исполнения «в условиях недружественных действий иностранных государств и международных организаций, связанных с введением ограничительных мер в отношении граждан РФ и российских юридических лиц».

Ключевые слова: существенное изменение обстоятельств, непреодолимая сила, невозможность исполнения обязательства, антироссийские санкции.

The Concept of "Material Change in the Circumstances" in the Context of New Anti-Russian Economic Sanctions

I.V. Kiryushina

Altai State University

68 Socialisticheskyy st., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: kirushina_ira@mail.ru

The article considers the category "material change in the circumstances", as well as related categories "termination of obligation for impossibility of performance" and "force majeure circumstances", taking into account the practice of their application under anti-Russian economic sanctions and restrictions. The author analyzes the current judicial practice of modification and termination of contract commitments due to "sanctions circumstances" involving these institutions. The available judicial practice indicates a negative, in most cases, attitude of the courts to the application of Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation as a basis for modifying or terminating the contract, without considering sanctions as a material change in circumstances. The author concludes that regardless of the political and economic conjuncture, a change in circumstances should be recognized as material, when it has had a direct impact on the agreement made by the parties, and has been a direct consequence of the negative results that one of the parties bears. At the same time, the change in circumstances should go beyond the usual business turnover and in this sense be of an "extraordinary" nature. A similar approach is used by the courts when assessing sanctions as grounds for termination of an obligation due to the impossibility of its performance. "Anti-sanction warranties about the circumstances" are proposed to be included into contracts as well as

amendment to the current legislation providing for such grounds for termination of the obligation as the impossibility of its fulfillment "in the conditions of unfriendly actions of foreign states and international organizations".

Key words: material change in circumstances, force majeure, inability to fulfill obligations, anti-Russian sanctions.

Уже введенные и продолжающиеся экономические санкции против Российской Федерации, ее граждан и российских юридических лиц заставляют по-новому взглянуть на политические, экономические и юридические процессы. Так, требует нового переосмысления категория «существенное изменение обстоятельств» применительно к возможности изменения и расторжения гражданско-правового договора ввиду введения указанных санкций.

Юридической доктрине известны несколько категорий, позволяющих контрагенту настаивать на изменении и даже расторжении договора и прекращении возникшего из договора обязательства ввиду различного рода изменений условий гражданского оборота:

- изменение или расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451 ГК РФ);
- прекращение обязательства в связи с невозможностью исполнения (ст. 416, 417 ГК РФ);
- форс-мажор или непреодолимая сила (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Традиционно указанные институты рассматриваются как смежные, вызывая споры о их соотношении и критериях разграничения. В свете новых событий важно оценить: какие именно из указанных категорий могут служить основаниями для изменения и расторжения договора по причине антироссийских санкций? Чем различаются правовые последствия их применения?

В соответствии с п. 1 ст. 451 ГК РФ основанием для изменения или расторжения договора является существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при его заключении. Изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях. Судебная практика основывается на том, что такое изменение должно находиться вне контроля сторон, являться на момент заключения сделки заведомо непредвиденным и быть непосредственно связанным с условиями заключенного между сторонами договора. При этом необходимо наличие одновременно следующих условий, определенных п. 2 ст. 451 ГК РФ:

- в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет;
- изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота;
- исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора;
- из обычая или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

Поскольку актуальная введенным после февраля 2022 года экономическим санкциям судебная практика еще не сформировалась, следует ориентироваться на подходы, выработанные судами ранее. Так, суды отказывали в удовлетворении требований об изменении или расторжении договора в следующих случаях:

- ввиду влияния экономических санкций. Судом указано, что введение внешнеэкономических санкций, повлекших рост ключевой ставки Банка России, сокращение рынка заимствований, уменьшение чистой прибыли не могут быть признаны «существенными и образующими необходимую совокупность условий» для досрочного расторжения договора аренды по основаниям ст. 451 ГК РФ [Определение Верховного Суда РФ 2017];

- при изменении курса валют. По мнению судов, изменение курса валют относится к рискам, которые истец как заемщик несет при заключении кредитного договора в валюте, и не является существенным изменением обстоятельств [Определение Верховного Суда РФ 2016];

- ввиду финансового кризиса. Суд указал: рост курса доллара США по отношению к рублю, финансовый кризис, ухудшение показателей российской экономики, экономические санкции, введенные против РФ отдельными странами, отказ Банка России от регулирования курса рубля РФ по отношению к иностранным валютам не могут служить основанием для изменения кредитного договора в судебном порядке на основании ст. 451 ГК РФ. Поскольку финансовый кризис распространяется на всех хозяйствующих субъектов, которые вступают в договорные отношения, кризисные явления в экономике страны безотносительно к иным обстоятельствам не могут служить основанием для изменения договора [Определение Девятого Арбитражного Апелляционного суда 2018];

- вследствие резкого ухудшения финансового состояния стороны договора. По мнению судебной инстанции, ни одно из приведенных обществом обстоятельств не относится к числу тех, возникновение которых нельзя было предвидеть. Вступая в договорные отношения, стороны могли и должны были учесть экономическую ситуацию, спрогнозировать ухудшение своего финансового положения и уменьшение численности работников [Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ 2010].

Применительно к оценке последствий ранее вводимых экономических санкций суды, отказывая в удовлетворении требования об изменении или расторжении договоров, указывали, что: введение секторальных санкций в отношении отдельных областей экономики Российской Федерации является объективным обстоятельством, которое оказывает влияние на все хозяйствующие субъекты, связанные с этими отраслями, и не является тем обстоятельством, которое участники гражданского оборота не могли предусмотреть; на момент подписания сторонами соглашения уже

действовали санкции в отношении отдельных областей экономики [Решение Арбитражного суда Мурманской области 2015].

Как видим ранее, в большинстве случаев суды отрицательно относились к возможности расторжения договора ввиду экономических санкций, не применяя последствия ст. 451 ГК РФ. Вместе с тем имеется немногочисленная «обратная» судебная практика. Так, суд удовлетворил иск об изменении договора в части арбитражной оговорки в связи с введением США санкций, делающих невозможным ее исполнение [Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного Суда РФ 2020].

Общим последствием применения ст. 451 ГК РФ является расторжение договора, однако в исключительных случаях, когда расторжение договора противоречит общественным интересам либо повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях, договор может быть изменен судом (п. 2, 4 ст. 451 ГК РФ). По требованию любой из сторон суд определяет последствия расторжения договора, исходя из необходимости справедливого распределения между сторонами расходов, понесенных ими в связи с исполнением данного договора.

На наш взгляд, безотносительно к политической и экономической конъюнктуре, существенным должно признаваться такое изменение обстоятельств, которое оказало непосредственное влияние на совершенную сторонами сделку и явилось прямым следствием тех негативных результатов, которые несет одна из сторон. При этом изменение обстоятельств должно выходить за рамки обычного делового оборота и в этом смысле носить «чрезвычайный» характер.

В этом смысле категория «существенное изменение обстоятельств» схожа с категорией «форс-мажора». Однако при форс-мажоре сторона лишена возможности исполнить обязательство (временно либо «совсем»), в то время как при существенном изменении обстоятельств сторона такой возможности не лишена, однако в случае исполнения обязательства она понесет несоизмеримо большие убытки. Отличаются здесь и последствия. Последствием применения норм ГК РФ о форс-мажоре является освобождение должника от ответственности за ненадлежащее исполнение обязательства по основаниям п. 3 ст. 401 ГК РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 416 ГК РФ обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. По смыслу ст. 416 ГК РФ невозможность исполнения обязательства наступает в случае, если действие, являющееся содержанием обязательства, объективно не может быть совершено ни одним лицом [Обзор судебной практики Верховного Суда РФ, п. 21 2017].

Частным случаем невозможности исполнения является норма, закрепленная п. 1 ст. 417 ГК РФ, согласно которой, если в результате издания акта органа государственной власти или органа местного самоуправления исполнение обязательства становится невозможным полностью или частично, обязательство прекращается полностью или в соответствующей части.

Последствием применения статей 416, 417 ГК РФ является прекращение обязательства полностью либо в части. Расторжение договора так же влечет прекращение на будущее время возникшего из него обязательства.

Верховным Судом РФ даны разъяснения применения правил ст. 416 ГК РФ:

- обязанность стороны прекращается в силу объективной невозможности исполнения, наступившей после возникновения обязательства и имеющей неустранимый (постоянный) характер, если эта сторона не несет риск наступления таких обстоятельств;

- невозможность исполнения является объективной, когда по обстоятельствам, не зависящим от воли или действий должника, у него отсутствует возможность в соответствии с законом или договором исполнить обязательство как лично, так и с привлечением к исполнению третьих лиц [Постановление Пленума Верховного Суда РФ, п. 37 2020].

Так, суд признал обязательства по государственному контракту прекратившимися невозможностью исполнения при отсутствии изделий конкретного производителя, необходимых для изготовления и поставки продукции, поскольку это отсутствие было вызвано введенными против России ограничительными и секторальными санкциями, затрагивающими экспорт продукции двойного назначения [Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда 2021].

В то же время в другом деле такие обстоятельства, как сокращение доходов заемщика вследствие ухудшения политической и экономической ситуации, введения против РФ санкций и контрсанкций, невозможность пополнять товар на складах, суд отнес к обычному предпринимательскому риску, отказав в применении ст. 416 ГК РФ [Решение Московского районного суда г. Санкт-Петербурга 2016].

Аналогичную позицию занял и суд, указавший, что экономические санкции в отношении экспортируемого в Российскую Федерацию оборудования не свидетельствуют о невозможности исполнения государственного контракта по поставке оборудования, поскольку действующее законодательство предусматривает возможность поставки эквивалентного оборудования даже в случае указания при описании товара конкретного товарного знака [Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда 2016].

Пока суды определяются в оценке антироссийских санкций с точки зрения их влияния на экономический оборот России, практика ищет выходы из сложившейся ситуации.

Так, в договор предлагается включать «антисанкционные заверения об обстоятельствах», смысл которых – получить от контрагента заверения о том, что в дальнейшем он не станет ссылаться на санкции как на основания отказа от исполнения обязательства. Если в дальнейшем сторона нарушит данное условие договора, это послужит основанием для применения к ней мер гражданско-правовой ответственности. Имеются решения судов, положительно

оценивающих подобную практику, хотя и не в связи с «санкционными» обстоятельствами [Постановление Арбитражного суда Уральского округа 2021].

Другим вариантом выхода стало бы прямое включение в закон нормы, предусматривающей такое дополнительное основание прекращения обязательства, как невозможность его исполнения «в условиях недружественных действий иностранных государств и международных организаций, связанных с введением ограничительных мер в отношении граждан РФ и российских юридических лиц». Это частный случай прекращения обязательства невозможностью исполнения (ст. 416 ГК РФ).

22 марта 2022 г. в Госдуму внесен проект федерального закона, предусматривающий внесение изменений в Федеральный закон от 30.11.1994 N 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее Проект) [Проект Федерального закона N 92282-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» 2022]. Так, предлагается дополнить указанный закон статьей 23, которая предусматривает возможность как прекращения обязательства невозможностью исполнения (п. 1 Проекта), так и освобождения должника от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора, обусловленное недружественными действиями иностранных государств и международных организаций (п. 2 Проекта).

Согласно пункту 3 ст. 23 Проекта, сторона обязательства вправе отказаться от договора (от исполнения договора) в случае, если другая сторона не исполнила или ненадлежащим образом исполнила свое обязательство, поскольку такое исполнение объективно оказалось временно невозможным в условиях недружественных действий иностранных государств и международных организаций, связанных с введением ограничительных мер в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц. Сторона, уполномоченная на отказ от договора (от исполнения договора), в разумный срок до совершения отказа обязана предупредить другую сторону обязательства о намерении реализовать свое право на отказ.

Эти правила не будут применяться к лицам, которые способствовали недружественным действиям иностранных государств и международных организаций, связанным с введением ограничительных мер в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц. Указанные нормы можно рассматривать как частный случай предоставления законом права на односторонний отказ от договора (исполнения договора) во внесудебном порядке (ст. 450.1 ГК РФ).

Таким образом, в условиях, пока не сформировалась новая правоприменительная практика относительно оценки влияющих последствий введенных экономических санкций на возможность изменения или расторжения договора по причине существенного изменения обстоятельств, сторонам придется руководствоваться имеющимися подходами. Суды в каждом конкретном случае будут оценивать наличие условий применения ст. 451 ГК РФ, а также то, явилось ли введение санкций прямым следствием тех крайних негативных последствий, которые влечет для стороны исполнение договора в сложившихся обстоятельствах.

Вместе с тем представляется, что в целях устойчивости гражданского оборота, формирования единообразной судебной практики Верховному Суду РФ следует дать разъяснения о возможности применения ст. 451 ГК РФ применительно к исполнению обязательств сторон в условиях антироссийских экономических санкций. Такой обзор был подготовлен Верховным Судом РФ применительно к последствиям распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) [Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) 2020]. С точки зрения критериев применения положений ст. 451 ГК РФ он представляет интерес в контексте рассматриваемых проблем.

Со ссылкой на указанный обзор суды рассматривали пандемию как основание для применения последствий ст. 451 ГК РФ при наличии прочих условий. Так, по ряду исков предпринимателя к банку суд изменил условия кредитных договоров путем существенного снижения процентной ставки (с 7,5% до 1%) и продления сроков кредитования, посчитав, что пандемия коронавируса является чрезвычайным и непреодолимым явлением (существенным изменением обстоятельств), в результате которого отрасль истца (кинобизнес) существенно пострадала и истец не мог генерировать прибыль в нормальном режиме. При этом в момент заключения договора истец не мог предполагать наступления пандемии [Решения Арбитражного суда города Москвы 2021].

Однако позже, 23.12.2021 г., Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ вынесла определение в рамках рассмотрения конкретного спора, где, по сути, пришла к выводу, что пандемия применительно к обстоятельствам конкретного дела не является существенным изменением обстоятельств [Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ 2021]. При этом высшей судебной инстанцией указано на отсутствие такого критерия применения ст. 451 ГК РФ, как «чрезвычайность и непредотвратимость изменившихся обстоятельств» для стороны спора.

Не вдаваясь в дискуссию об отличии категорий «обстоятельства непреодолимой силы» и «существенное изменение обстоятельств», лишь отметим, что признак чрезвычайности отсутствует применительно к существенному изменению обстоятельств, а признак непредотвратимости применительно к обстоятельствам непреодолимой силы не тождественен критерию непредвиденности применительно к положениям ст. 451 ГК РФ, поскольку в последнем случае речь идет не об объективной, а о субъективной непредвиденности, т. е. непредвиденности конкретной стороной обязательства. В этом смысле определение Верховного Суда от 23.12.2021 вносит больше споров, чем понимания критериев применения указанных норм ГК РФ, оставляя дискуссию открытой.

Главная задача суда при применении положения ст. 451 ГК РФ состоит в соблюдении баланса интересов сторон и одновременном обеспечении устойчивости гражданского оборота. При определении последствий изменения или

расторжения договора на основании ст. 451 ГК РФ суду следует справедливо оценить баланс интересов сторон, добросовестность их поведения и минимизировать негативные последствия от его расторжения для каждой из сторон, что, безусловно, одна из самых сложных задач.

Литература

- Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) / Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. - N 5.
- Обзор судебной практики Верховного Суда РФ N 2, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017 / Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2018. - N 5, 6.
- Определение Верховного Суда РФ от 23.05.2017 N 301-ЭС16-18586 по делу № А39-5782/2015. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/G5oLHaTJdoN4/>.
- Определение Верховного Суда РФ от 13.09.2016 № 18-КГ16-102. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13092016-n-18-kg16-102/>.
- Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 305-ЭС21-12558. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23122021-n-305-es21-12558-po-delu-n-a40-1006922020/>.
- Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.02.2021 № Ф09-8824/20 по делу А07-31620/2-19. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/38846184/paragraph/18/doclist/329/showentries/0/highlight/постановление%20Арбитражного%20суда%20Уральского%20округа%20от%2019.02.2021%20№%20Ф09-8824%7C20%20по%20делу%20А07-31620%7C2-19:10.>
- Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 14.08.2018 N 09АП-26403/18. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.
- Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного Суда от 10.02.2020 N 09АП-80251/19. URL: <https://base.garant.ru/63704974/>.
- Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 02.03.2021 N 09АП-2038/21. URL: <https://demo.garant.ru/#/basearch/постановление%20Девятого%20ААС%20от%2002.03.2021%20№%2009АП-2038%7C21/all:4.>
- Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 31.08.2016 N 09АП-36468/16. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/61499265/paragraph/1/doclist/321/showentries/0/highlight/постановление%20Девятого%20ААС%20от%2031.08.2016%20№%2009АП-36468%7C16:8.>
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» / Российская газета. -2020. - N 136.
- Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.11.2010 № 9600/10 по делу № А17-1960/2009. URL: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_b767d086-5f6c-4d80-b281-a7c33cf83d9e.
- Проект Федерального закона N 92282-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.03.2022). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/>
- Решения Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-9827/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/k0VrORgtHT17/>.
- Решение Арбитражного суда Мурманской области от 20.10.2015 N А42-5382/2015. URL: <https://demo.garant.ru/#/basearch/решение%20ААС%20Мурманской%20области%20от%2020.10.2015%20№%20А42-5382%7C2015/all:11>
- Решение Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 13.04.2016 N 2-119/2016. URL: <https://demo.garant.ru/#/basearch/решение%20Московского%20районного%20суда%20г.%20Санкт-Петербурга%20от%2013.04.2016%20№%202-119%7C2016/all:5>

References

- Criminal code of the Russian Federation. Commentary with guide for juridical practice. Edited by Doctor of Law, Professor A.I. Chuchayev. Moscow (in Russian).
- Decision of the Arbitration Court of the Murmansk region N А42-5382/2015 dated 20.10.2015. Available from: <https://demo.garant.ru/#/basearch/решение%20ААС%20Мурманской%20области%20от%2020.10.2015%20№%20А42-5382%7C2015/all:11> (in Russian).
- Decision of the Moscow District Court of St. Petersburg N 2-119/2016 dated 13.04.2016. Available from: <https://demo.garant.ru/#/basearch/ the decision of %20moscow%20district%20 court%20g.%20Sankt-Petersburg %20от%2013.04.2016%20№%202-119%7C2016/all:5> (in Russian).
- Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal N 09АП-26403/18 dated 14.08.2018. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW. (in Russian).
- Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal N 09АП-80251/19 dated 10.02.2020. Available from: <https://base.garant.ru/63704974/> (in Russian).

Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal N 09АП-2038/21. dated 02.03.2021. Available from: <https://demo.garant.ru/#/basesearch/постановление%20Девятого%20ААС%20от%2002.03.2021%20N%2009АП-2038%7C21/all:4>. (in Russian).

Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal N 09АП-36468/16. dated 31.08.2016. Available from: <https://demo.garant.ru/#/document/61499265/paragraph/1/doclist/321/showentries/0/highlight/постановление%20Девятого%20ААС%20от%2031.08.2016%20N%2009АП-36468%7C16:8> (in Russian).

Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.09.2016. Available from: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13092016-n-18-kg16-102/> (in Russian).

Determination of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.12.2021. Available from: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23122021-n-305-es21-12558-po-delu-n-a40-1006922020/> (in Russian).

Draft Federal Law No. 92282-8 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (2022). Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/> (in Russian).

Golenko, D. V. (2021) O tendentsiyakh razvitiya Osobennoi 1. Decisions of the Arbitration Court of the City of Moscow (2021). The case No A40-9827/2021. Available from: <https://sudact.ru/arbitral/doc/k0VrORgtHT17/> (in Russian).

Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 19.02.2021. The case No A07-31620/2-19. Available from: <https://demo.garant.ru/#/document/38846184/paragraph/18/doclist/329/showentries/0/highlight/постановление%20Арбитражного%20суда%20Уральского%20округа%20от%2019.02.2021%20№%20Ф09-8824%7C20%20по%20делу%20А07-31620%7C2-19:10/> (in Russian).

Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 6 "On some issues of application of the Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on termination of obligations" (2020). Rossiyskaya Gazeta, 136 (in Russian).

Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation (2010). The case No A17-1960/2009. Available from: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_b767d086-5f6c-4d80-b281-a7c33cf83d9e (in Russian).

Review on certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counteract the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) N 1 on the territory of the Russian Federation" dated 21.04.2020. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 5 (in Russian).

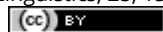
Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 dated 26.04.2017. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2018 № 5, 6 (in Russian).

Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation (2017). The case No A39-5782/2015. Available from: <https://sudact.ru/vsrf/doc/G5oLHaTJdoN4/> (in Russian).

Citation:

Кирюшина И.В. Понятие «существенное изменение обстоятельств» в контексте новых антироссийских экономических санкций // Юрислингвистика. – 2022. – 25. – С. 15-20.

Kiryushina I.V. (2022). The concept of "significant change in circumstances" in the context of new anti-Russian economic sanctions. Legal Linguistics, 25, 15–20.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

К проблеме использования понятия «искусственный интеллект» в криминалистике

В.В. Поляков

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: agupolyakov@gmail.com*

Рассмотрены вопросы построения понятийного аппарата для проблематики искусственного интеллекта в науках криминального цикла. Отмечены существенные разногласия и значительный разброс мнений в отношении базового понятия «искусственный интеллект» и связанных с ним иных понятий и представлений, наличие множества нерешенных и дискуссионных вопросов. На основе критического анализа существующих позиций, законодательных и доктринальных источников высказано мнение, что для криминалистической теории и, в еще большей степени, практики использование понятия «искусственный интеллект» является несколько преждевременным. Более корректным и адекватным существующему уровню развития информационных технологий представляется понятие так называемого «усиленного интеллекта». Одним из примеров его реализации служат современные компьютерные методы машинного обучения.

Обращено внимание на использование качественно новых средств совершения высокотехнологичных преступлений, в которых активно применяются способы и методы, разработанные для технологий усиленного интеллекта. На конкретных примерах отмечена повышенная социальная опасность, проистекающая из быстро расширяющегося взятия на вооружение создаваемых технологий искусственного интеллекта высокотехнологичной преступностью. С позиций криминалистики отмечен эффект от создания в ближайшие десятилетия квантовых компьютеров. Выявлены негативные тенденции, связанные с использованием искусственного интеллекта в преступных целях и способные существенно затруднить формирование криминалистической методики расследования высокотехнологичных преступлений, осложнить реализацию задач уголовного судопроизводства по их раскрытию, расследованию и предупреждению.

Показано, что сложившиеся проблемы в выработке общепризнанного понятийного аппарата имеют объективный характер и их разрешение требует привлечения междисциплинарного подхода, совместного применения знаний и достижений правовых, других социальных, естественных и технических наук. Отражены перспективные направления в развитии криминалистической теории, а также криминалистической методики, техники и тактики, в которых могут быть успешно использованы методы и технологии усиленного интеллекта. Указана важность и перспективность внедрения указанных технологий в практическую деятельность правоохранительных органов.

Ключевые слова: высокотехнологичные преступления, усиленный интеллект, машинное обучение, средства преступлений.

On Using the Concept of "Artificial Intelligence" in Forensic Science

V.V. Polyakov

*Altai State University
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: agupolyakov@gmail.com*

The article considers the issues of making a conceptual framework for artificial intelligence in forensic sciences. There are significant differences and a significant variety of opinions regarding the basic concept of "artificial intelligence" and other concepts and ideas related, many unresolved and debatable issues still exist. Based on critical analysis of existing opinions, legislative and doctrinal sources, the opinion is expressed that for forensic theory and, to an even greater extent, practice, the use of the concept of "artificial intelligence" is somewhat premature. The concept of so-called "enhanced intelligence" seems to be more correct and adequate to the existing level of information technology development. One of the examples of its implementation is modern computer methods of machine learning.

Attention is drawn to the employment of essentially new means of committing high-tech crimes, which apply techniques and methods developed for enhanced intelligence technologies. Here are discussed some cases of enhanced social danger arising from the rapidly expanding adoption of artificial intelligence technologies by high-tech crime. The effect of building quantum computers in the coming decades is discussed with regard to criminology. The negative trends linked to the use of artificial intelligence for criminal purposes have been identified as they can significantly complicate the formation of a forensic methodology for investigating high-tech crimes, complicate the implementation of criminal proceedings for their disclosure, investigation and prevention.

The article shows that current issues of making a conceptual framework are pressing and require interdisciplinary approach of legal, social, natural and technical sciences. Here are described promising trends in the development of forensic theory, as well as forensic techniques and tactics, where methods and technologies of enhanced intelligence can be successfully used. The importance and prospects of the introduction of these technologies into work of law enforcement agencies are indicated.

Key words: high-tech crimes, enhanced intelligence, machine learning, means of crime.

Введение

В первые десятилетия XXI века на ключевое место в развитии компьютерных технологий выдвинулось направление, основанное на новых явлениях, объединяемых общим понятием «искусственный интеллект». Закономерным следствием этого стало осмысление появившихся возможностей для противодействия преступности и совершенствования деятельности правоохранительных органов. Однако одновременно быстрое овладение такими технологиями произошло со стороны наиболее развитой в техническом плане преступности, к которой в первую очередь относится высокотехнологичная преступность. Под высокотехнологичными преступлениями мы понимаем противоправные деяния, запрещенные уголовным законодательством, совершаемые полноструктурным способом, осуществляемые преступной группой, в состав которой входит специалист (специалисты) в области компьютерных технологий, с использованием информационно-коммуникационных сетей, путем применения специально созданных или модифицированных в преступных целях программных, программно-аппаратных или аппаратных средств и сопровождаемые противодействием расследованию [Поляков 2013: 9-42; Поляков 2019: 114-126; Поляков 2007: 212-216; Поляков 2022: 85-96]. Воздействие исследований в области искусственного интеллекта в настоящее время привело к опасному качественному скачку в развитии средств совершения высокотехнологичных преступлений.

Нужно признать, что правовые науки, включая криминалистику, отстают от изменений, происходящих в преступности. Указанное отставание имеет объективный характер и обусловлено тем, что, используя формулировку В.В. Архипова и В.Б. Наумова, «тенденции развития технологий можно описать экспоненциальными зависимостями, а создание новых отраслей законодательства требует продуманного инерционного процесса и всестороннего междисциплинарного обсуждения моделей и подходов к формированию будущего правового поля» [Архипов, Наумов 2017: 47]. Кроме того, полагаем, что высокая сложность в решении задач, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта современной преступностью, определяется необходимостью привлечения в понятийный аппарат правовых наук терминов, дефиниций и представлений, традиционно входящих в другие социальные и технические науки.

1. Понятие «искусственный интеллект» в юриспруденции

В последние годы появились относительно большое число правовых исследований, связанных с проблематикой искусственного интеллекта [Овчинский, Ларина 2018: 26; Морхат 2017: 69; Бегишев, Хисамова 2021; Понкин, Редькина 2018: 94-95; Ерахтина, Тирранен 2019: 37; Суходолов, Бычкова 2018: 753-766; Бахтеев 2021]. В то же время приходится констатировать наличие множества нерешенных и дискуссионных вопросов, начинающихся уже с существенных различий в определении самого базового понятия «искусственный интеллект». Очевидно, что без продвижения в этом направлении создание корректных теоретических разработок и практических методических рекомендаций достаточно затруднительно. Проанализируем существующие в настоящее время позиции по определению понятия «искусственный интеллект».

Анализ законодательства и представленных в научной литературе позиций показал, что общепринятого понятия «искусственный интеллект» науками криминального цикла еще не выработано. Отметим, что аналогичная ситуация наблюдается также в других социальных, естественных и технических науках. Более того, как верно отмечали А.А. Васильев, Д. Шпоппер и М.Х. Матаева, в современной науке отсутствует определение даже исходного термина «естественный интеллект» [Васильев, Шпоппер, Матаева 2018: 37], относящегося к такому исходному понятию, как интеллект человека. Наличие проблемы выработки понятийного аппарата признается в резолюции Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике» от 16 февраля 2017 г., в которой содержится призыв «Комиссии ЕС предложить общепринятые и универсальные определения» соответствующих терминов для робототехнических систем и систем искусственного интеллекта.

Для выработки криминалистической позиции в отношении понятия «искусственный интеллект» рассмотрим ряд определений, предложенных различными исследователями. Согласно мнению И.В. Понкина и А.И. Редькиной, «искусственный интеллект – это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система (электронная, в том числе – виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия» [Понкин, Редькина 2018: 94-95]. Авторами

подробно описываются свойства данной системы, однако само определение содержит понятия, представляющиеся избыточными и дублирующими друг друга, при этом требующими отдельного формального определения. Н.Н. Апостолова полагает, что искусственным интеллектом является «киберфизическая (не-биологическая) автономная, но нуждающаяся в физической (энергетической) поддержке система, способная обмениваться данными со своей средой и анализировать их, самообучаться на основе приобретенного опыта и взаимодействия, а также адаптировать свои действия и поведение в соответствии с условиями среды» [Апостолова 2019: 135-136]. Данное определение достаточно широкое, но в то же время, на наш взгляд, оно не отражает в полной мере специфику технологий и методов, посредством которых реализуется упомянутая «киберфизическая система». Подробное определение предлагает П.М. Морхат: «Искусственный интеллект – это полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе био-кибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), не живая в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделенная/обладающая программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями» [Морхат 2018: 20-21]. Эти возможности и способности далее подробно перечисляются и рассматриваются, однако применение определения в практической деятельности по расследованию правонарушений весьма затруднительно из-за отсутствия формальных критериев для используемых понятий. Д.А. Степаненко, Д.В. Бахтеева и Ю.А. Евстратова под искусственным интеллектом понимают «...создаваемое с помощью группы смежных технологий программное обеспечение, функционирующее нелинейно, способное к обучению, ограниченному пониманию причинности и выполнению задач интеллектуального, эвристического характера с возможностью обучения, корректировки и уточнения за счет опыта принимаемых решений» [Степаненко, Бахтеев, Евстратова 2020: 207]. На наш взгляд, проводимое авторами сведение искусственного интеллекта лишь к компьютерным программам сужает рассматриваемое понятие.

Согласно определению Е.А. Ерахтиной и В.А. Тирранен, искусственный интеллект – это «...свойство интеллектуальных систем (в том числе компьютерных программ, включая нейросети) выполнять функции и решать задачи, в том числе специально не оговоренные в системе изначально, обучаться и адаптировать свое поведение под конкретные условия, а также принимать решения исходя из этих условий и поставленных целей» [Ерахтина, Тирранен 2019: 37]. Недостатком этого определения является использование понятия «интеллектуальная система», которое, в свою очередь, само требует четкого определения. Отметим также, что в ряде определений равноуровневые понятия даются как равноправные, например искусственный интеллект и нейронная сеть [Бахтеев 2020: 35] (последняя представляет собой один из математических методов, реализующих технологии машинного обучения). Полагаем, что более верным является мнение В.С. Овчинского и Е.С. Лариной, согласно которому искусственный интеллект – «это не машинное обучение, не нейронные сети и не иные виды программных продуктов. Это всегда программно-аппаратные комплексы, в которых роль физических компонентов, как минимум, не меньше, чем информационных» [Овчинский, Ларина 2018: 17].

Полагаем, что можно согласиться с позицией А.А. Васильева, О.В. Васильевой и Ж.И. Ибрагимова о необходимости осторожного правового регулирования в сфере, связанной с искусственным интеллектом [Васильев, Васильева, Ибрагимов 2019: 64-70]. Проведенный анализ сложившейся ситуации позволяет полагать, что использование понятия «искусственный интеллект» в криминалистике, по-видимому, несколько преждевременно. Это связано с теми обстоятельствами, что, во-первых, не выработаны формальные признаки, позволяющие дать четкое определение этому понятию; во-вторых, в науках криминального цикла приводится чрезмерно большое количество определений, существенно отличающихся по своему содержанию. Полагаем, что объективно достигнутый уровень развития современных компьютерных технологий соответствует так называемому «слабому искусственному интеллекту», предназначенному для решения только конкретных частных задач. В силу этого, на наш взгляд, в настоящее время было бы более правильным в криминалистической теории употреблять термин «усиленный интеллект» (англ. machine augmented intelligence), задачами которого является не столько замена человека, сколько «усиление его интеллектуальных способностей» [Платонова, Абалмасова, Бекова 2019: 278]. Полагаем, что можно также говорить о «гибридной системе» [Овчинский, Ларина 2018: 36], объединяющей возможности человека с технологиями усиленного интеллекта.

Воплощением усиленного интеллекта в современной практике являются компьютерные системы, в основе которых лежат самообучающиеся компьютерные программы. Работа таких программ основана, в первую очередь, на математических методах машинного обучения (англ. machine learning) [Поляков, Милич 2020: 73-80]. Такие методы позволяют установить закономерности, которые иными традиционными способами выявить много сложнее или почти невозможно [Polyakov, Vespechniy, Neymark 2019: 637-640]. Отметим, что для самообучения компьютерных программ требуется достаточно большая выборка данных [Батоев 2020: 11-17; Ушаков 2020: 54-70; Цурлуй, Мещеряков 2021: 25-28]. Выбор конкретного метода, реализующего технологии усиленного интеллекта, определяется спецификой решаемой задачи.

2. Использование технологий искусственного интеллекта высокотехнологичной преступностью

Качественное совершенствование средств преступлений, использующих методы, получаемые при разработке технологий искусственного интеллекта, приводит к серьезному усложнению расследования и предупреждения высокотехнологичных преступных деяний. Нельзя не согласиться с мнением Н.Н. Апостоловой: «Необходимо признать искусственный интеллект источником повышенной опасности» [Апостолова 2019: 137].

Указанные методы уже внедряются в преступную деятельность, например, при совершении АРТ-атак для проникновения в корпоративные сети организаций [Левцов, Демидов 2016: 36-39]. Они также уже используются в современных разновидностях терроризма [Polyakov, Starodubtseva 2019: 188-191]. Как справедливо отметили Е.А. Ерахтина и В.А. Тирранен, внедрение подобных технологий в преступную деятельность приводит к появлению опасных видов компьютерных вирусов, обладающих признаками самоорганизации и способностью адаптироваться к конкретным условиям для преодоления защиты компьютерных систем, способностью к самовоспроизводству [Ерахтина, Тирранен 2019: 38]. Другой пример приводит Ю.А. Даниленко, описывая применение преступниками поддельного голоса, синтезированного с помощью компьютерных методов [Даниленко 2019: 38].

Отдельно нужно выделить угрозы, которые возникают в результате объединения искусственного интеллекта и роботизированного устройства в единую систему. В.С. Овчинский и Е.С. Ларина приводят в качестве примера использование преступными организациями роботизированных дронов для незаконного сбора информации, доставки наркотиков и т. д. [Овчинский, Ларина 2018: 36]. Как отмечали А.П. Суходолов и А.М. Бычкова, разработка таких систем «в буквальном смысле слова взята на вооружение преступниками» [Суходолов, Бычкова 2018: 756]. Кроме того, к настоящему времени сформировался «подпольный» рынок в сети Даркнет (от англ. DarkNet), на котором продаются различные специализированные средства совершения высокотехнологичных преступлений [Сергеев 2017: 140].

Укажем также на одну из ключевых тенденций, определяющих перспективы развития искусственного интеллекта в ближайшие десятилетия, а именно на расширяющиеся работы по созданию компьютеров нового поколения – квантовых компьютеров [Валиев, Кокин 2001]. Такая работа активно ведется в России и в других передовых странах. Как писала «Российская газета», «создание квантового компьютера – это прорыв, сравнимый с открытием классических компьютеров» [Шифр в абсолюте. Россия вступает в квантовую гонку 2018]. В современных компьютерных устройствах запись и обработка информации проводится путем кодирования электромагнитных сигналов. В квантовом компьютере это происходит на основе иных физических принципов, основанных на использовании особенностей квантовых состояний микрочастиц. Применение квантовых компьютеров может привести к резкому ускорению развития технологий искусственного интеллекта. Полагаем, что использование квантовых компьютеров в криминалистическом аспекте проявится в появлении нового по своему техническому содержанию вида следов, возникающих при воздействии на компьютерную информацию. Таким образом, механизм следообразования, в начале 2000-х годов относительно изученный криминалистикой для случаев электронно-цифровых следов [Мещеряков 2013: 265-270; Вехов 2009: 62-72; Осипенко 2009: 31-34; Гавло, Поляков 2007: 146-152; Семикаленова 2019: 115-120], потребует, на наш взгляд, нового переосмысления и дополнения.

3. Применение технологий искусственного интеллекта в криминалистическом противодействии высокотехнологичной преступности

Высокая значимость технологий, связанных с искусственным интеллектом, признана на государственном уровне. Об этом свидетельствует принятие Указа Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в котором утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»]. В этом Указе нашли свое отражение как общие и перспективные аспекты развития технологий искусственного интеллекта, так и актуальные в настоящее время конкретные составляющие этих технологий.

Полагаем, что для противодействия высокотехнологичным преступлениям требуется скорейшее развитие и актуализация криминалистической теории, включая выработку общепринятого понятийного аппарата [Ялышев 2008: 41-42]. На сегодняшний день криминалистика в силу объективных причин отстает от происходящих качественных изменений в высокотехнологичной преступности со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. В то же время в криминалистической науке справедливо отмечается необходимость скорейшего применения в уголовном судопроизводстве технологий, близких к искусственному интеллекту [Бертовский 2018: 173-178; Зуев 2018: 118-123]. По нашему мнению, на сегодняшний день уже есть реальные перспективы применения данных технологий в криминалистике в следующих направлениях:

- разработке частной методики расследования высокотехнологичных преступлений, включающей в себя новую методологию расследования и новые технические и тактические подходы, приемы и методические рекомендации, использующие методы усиленного интеллекта;
- дальнейшая алгоритмизация процесса расследования и распространения его на новые виды преступных деяний [Драпкин, Долинин, Шуклин 2018: 31-36; Давыдов 2008: 80-86];
- повышение потенциала и технических возможностей традиционных экспертных исследований;
- обобщение, анализ и разрешение криминалистических ситуаций;
- криминалистическое предупреждение высокотехнологичных преступлений [Polyakov, Bespechniy, Neymark 2019: 637-640].

Заключение

Результаты проведенного исследования понятия «искусственный интеллект» показывают, что в настоящее время говорить о полноценном искусственном интеллекте и его применении как в социально негативной преступной деятельности, так и в позитивной правоохранительной работе преждевременно. В то же время отдельные аспекты искусственного интеллекта, связанные со «слабым» и «усиленным» интеллектом, прежде всего методы и технологии машинного обучения, уже взяты на вооружение высокотехнологичной преступностью. Это требует скорейшего

изучения указанных аспектов, в частности, их отражения в криминалистических характеристиках высокотехнологичных преступлений. Важной задачей представляется создание адаптированных положений криминалистической техники, тактики и методики для расследования соответствующих преступных деяний. Большое значение имеет также внедрение технологий, реализующих возможности искусственного интеллекта, в практическую деятельность правоохранительных органов.

Решение указанных задач предполагает разработку фундаментальной методической основы, прежде всего, создание и унификацию понятийного аппарата. В этой связи выявленные и проанализированные проблемы в определении базовых понятий, а также выработанные предложения по применению и развитию данных понятий в криминалистической теории и практике призваны способствовать дальнейшим криминалистическим исследованиям и методическим разработкам в области искусственного интеллекта.

Литература

- Апостолова Н.Н.* Искусственный интеллект в судопроизводстве / Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – №3. – С. 135–141.
- Архипов В.В., Наумов В.Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике / Труды СПИИРАН. - 2017. - № 6. - С. 46-62.
- Батоев В.Б.* Большие данные (big data) и предиктивная аналитика в оперативно-разыскной деятельности: проблемы использования и пути решения / Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. - № 1 (52). - С. 11-17.
- Бахтеев Д.В.* Искусственный интеллект: этико-правовые проблемы. М., 2021.
- Бахтеев Д.В.* Частные криминалистические теории как источник для разработки прикладных систем искусственного интеллекта в следственной деятельности / Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2020. - № 2 (28). - С. 32-43.
- Бегишев И.Р., Хисамова З.И.* Искусственный интеллект и уголовный закон. М., 2021.
- Бертовский Л.В.* Цифровое судопроизводство: проблемы становления проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: сб. мат. Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь, 2018. С. 173-178.
- Валиев К.А., Кокин А.А.* Квантовые компьютеры: надежды и реальность. Ижевск, 2001.
- Васильев А.А., Шнопфер Д., Матаева М.Х.* Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ / Юрислингвистика. - 2018. - № 7-8. С. 35-44.
- Васильев А.А., Васильева О.В., Ибрагимов Ж.И.* «Закон Гришина» и право ЕС о робототехнике и искусственном интеллекте: сравнительный анализ / Проблемы правовой и технической защиты информации. - 2019. - Вып. VII. - С. 64-70.
- Вехов В.Б.* Понятие и механизм образования электронно-цифровых следов / Использование современных информационных технологий и проблемы информационной безопасности в деятельности правоохранительных органов: Межвузовский тематический сб. науч. трудов. Калининград, 2009. С. 62-72.
- Гавло В.К., Поляков В.В.* Следовая картина и ее значение для расследования преступлений, связанных с неправомерным удаленным доступом к компьютерной информации / Российский юридический журнал. – 2007. – №5 (57). – С. 146-152.
- Давыдов С.И.* Ситуационные аспекты алгоритмизации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2008. - №2 (5). - С. 80-86.
- Даниленко Ю.А.* Проблемы расследования отдельных видов киберпреступлений, совершенных с использованием искусственного интеллекта / Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации: Мат. Междунар. Науч.-практ. конф. Симферополь, 2019. С. 37-39.
- Драпкин Л.Я., Долинин В.Н., Шуклин А.Е.* Проблемы алгоритмизации в криминалистике и следственной деятельности / Российское право. - 2018. - № 6. - С. 31-36.
- Ерахтина Е.А., Тирранен В.А.* Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования / Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. - № 2. (35) – С. 36-41.
- Зуев С.В.* Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы / Сибирский юридический вестник. - 2018. - № 4. - С. 118-123.
- Левцов В., Демидов Н.* Анатомия таргетированной атаки / Системный администратор. - 2016. - №4. - С. 36-39.
- Мещеряков В.А.* Следы преступлений в сфере высоких технологий / Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2013. - № 5 (10). - С. 265-270.
- Морхат П.М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография. М., 2017.
- Морхат П.М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. М., 2018.
- Овчинский В.С., Ларина Е.С.* Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М., 2018.
- Осипенко А.Л.* Проблемы вовлечения электронно-цифровых следов в уголовный процесс / Научный вестник Омской академии МВД России. - 2009. - №4 (35). - С. 31-34.

- Платонова Д.П., Абалмасова Е.С., Бекова С.К. и др. Университеты на перепутье: Высшее образование в России. М., 2019.
- Поляков В.В. Источники и принципы формирования частной методики расследования высокотехнологичных преступлений / *Lex russica*. - 2022. - Т. 75. - № 6. - С. 85-96.
- Поляков В.В. Основы формирования криминалистической методики расследования высокотехнологичных преступлений / *Уголовное судопроизводство: правовое, криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение*. Барнаул, 2019. С. 114-126.
- Поляков В.В., Милич И.Д. Применение методов машинного обучения в криминалистике на примере противодействия высокотехнологичной преступности / *Проблемы правовой и технической защиты информации*. - 2020. - № 8. - С. 73-80.
- Поляков В.В., Слободян С.М. Анализ высокотехнологичных способов неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации / *Известия Томского политехнического университета*. - 2007. - Т. 310. - № 1. - С. 212 - 216.
- Поляков В.В. Региональные особенности криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации / *Региональные аспекты технической и правовой защиты информации*. Барнаул, 2013. Гл. 1. С. 9-42.
- Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права / *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Юридические науки. - 2018. - Т. 22. - № 1. - С. 91-109.
- Семикаленова А.И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз / *Вестник университета им. О.Е. Кутафина*. - 2019. - №5. - С. 115-120.
- Сергеев С.М. Некоторые проблемы противодействия использованию в преступной деятельности средств обеспечения анонимизации пользователя в сети Интернет / *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. - 2017. - № 1 (73). - С. 138.
- Степаненко Д.А., Бахтеев Д.В., Евстратова Ю.А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности / *Всероссийский криминологический журнал*. - 2020. - Т. 14. - № 2. - С. 206-214.
- Суходолов А.П., Бычкова А.М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции / *Всероссийский криминологический журнал*. - 2018. - Т. 12, № 6. - С. 753-766.
- Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>.
- Ушаков Р.М. Технология big data как вектор развития криминалистической техники: перспективы применения в контексте их правомерности / *Уральский журнал правовых исследований*. - 2020. - №2 (9). - С. 54-70.
- Цурлуй О.Ю., Мещеряков В.А. Направления развития габитоскопии и портретной экспертизы с учетом информационных технологий и методов искусственного интеллекта / *Эксперт-криминалист*. - 2021. - № 2. - С. 25-28.
- Шифр в абсолюте. Россия вступает в квантовую гонку / *Российская газета*. - 2018. - № 38 (7501).
- Ялышев С.А. Высокотехнологичные компьютерные изделия и некоторые проблемы их экспертного исследования / *Эксперт-криминалист*. - 2008. - №2. - С. 41-42.
- Polyakov V.V., Bespechniy O.V., Neymark M.A. Artificial intelligence as an object of forensic study: perspectives from a border region. The role of transnational corporations in the globalization of the economy. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. - 2019. - Vol. 364. - Pp. 637-640.
- Polyakov V.V., Starodubtseva M.A. Factors influencing motivation for terrorist activities being implemented with the use of information technologies in transboundary regions. The role of transnational corporations in the globalization of the economy. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. - 2019. - Vol. 364. - Pp. 188-191.

References

- Apostolova, N.N. (2019). Artificial Intelligence in Legal Proceedings / *North Caucasian Legal Bulletin* Artificial Intelligence in Legal Proceedings. *North Caucasian Legal Bulletin*, 3, 135-141 (in Russian).
- Arkhipov, V.V., Naumov, V.B. (2017). Artificial intelligence and autonomous devices in the context of law: on the development of the first Russian law on robotics. *Proceedings of SPIIRAS*, 6, 46-62 (in Russian).
- Bakhteev, D.V. (2021). Artificial intelligence: ethical and legal problems. Moscow (in Russian).
- Bakhteev, D.V. (2020). Private forensic theories as a source for the development of applied systems of artificial intelligence in investigative activities. *Siberian criminal procedure and forensic readings*, 2 (28), 32-43 (in Russian).
- Batoev, V.B. (2020). Big data and predictive analytics in investigative activities: problems of use and solutions. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1 (52), 11-17 (in Russian).
- Begishev, I.R., Khisamova, Z.I. (2021). Artificial intelligence and criminal law. Moscow (in Russian).
- Bertovsky, L.V. (2018). Digital legal proceedings: problems of formation of the problem of application of criminal and criminal procedural legislation: Sat. mat. *International Scientific-practical. conf. Simferopol*, 173-178 (in Russian).
- Code in the absolute. Russia enters the quantum race (2018). *Rossiyskaya Gazeta*, 38 (7501) (in Russian).
- Danilenko, Yu.A. (2019). Problems of investigating certain types of cybercrimes committed using artificial intelligence. Problems of obtaining and using evidence and forensically significant information: *Mat. International Scientific-practical. conf. Simferopol*, 37-39 (in Russian).

- Davydov, S.I. (2008). Situational aspects of the algorithmization of the operational-search activity of internal affairs bodies. *Legal science and law enforcement practice*, 2 (5), 80-86 (in Russian).
- Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation". Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (in Russian).
- Drapkin, L.Ya., Dolinin, V.N., Shuklin, A.E. (2018). Problems of algorithmization in criminalistics and investigative activities. *Russian law*, 6, 31-36 (in Russian).
- Erakhtina, E.A., Tirranen, V.A. (2019). Crimes committed using artificial intelligence: problems of qualification and investigation. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2 (35), 36-41 (in Russian).
- Gavlo, V.K., Polyakov, V.V. (2007). The trace picture and its significance for the investigation of crimes related to illegal remote access to computer information. *Russian legal journal*, 5 (57), 146-152 (in Russian).
- Levtsov, V., Demidov, N. (2016). Anatomy of a targeted attack. *System administrator*, 4, 36-39 (in Russian).
- Meshcheryakov, V.A. (2013). Traces of crimes in the sphere of high technologies. *Forensic Library. Science Magazine*, 5 (10), 265-270 (in Russian).
- Morhat, P.M. (2017). *Artificial intelligence: legal view: Scientific monograph*. Moscow (in Russian).
- Morhat, P.M. (2018). *The Legal Personality of Artificial Intelligence in the Sphere of Intellectual Property Law: Civil Law Problems: Abstract of the Dissertation of a Doctor of Law*. Moscow (in Russian).
- Osipenko, A.L. (2009). Problems of involving electronic digital traces in the criminal process. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4 (35), 31-34 (in Russian).
- Ovchinsky, V.S., Larina, E.S. (2018). *Artificial intelligence. Big data. Crime*. Moscow (in Russian).
- Platonova, D.P., Abalmasova, E.S., Bekova, S.K. and etc. (2019). *Universities at the Crossroads: Higher Education in Russia*. Moscow (in Russian).
- Polyakov, V.V. (2019). *Fundamentals of the formation of a forensic methodology for investigating high-tech crimes. Criminal proceedings: legal, forensic and operational-search support: Scientific monograph*. Barnaul, 114-126 (in Russian).
- Polyakov, V.V. (2013). Regional features of the forensic characteristics of crimes in the field of computer information. *Regional aspects of technical and legal protection of information*. Barnaul, 1, 9-42 (in Russian).
- Polyakov, V.V. (2022). Sources and principles of formation of a private methodology for investigating high-tech crimes. *Lex russica*, 75, 6, 85-96 (in Russian).
- Polyakov, V.V., Bespechniy, O.V., Neymark, M.A. (2019). Artificial intelligence as an object of forensic study: perspectives from a border region. *The role of transnational corporations in the globalization of the economy. Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 364, 637-640.
- Polyakov, V.V., Milich, I.D. (2020). Application of machine learning methods in forensics on the example of countering high-tech crime. *Problems of legal and technical protection of information*, 8, 73-80 (in Russian).
- Polyakov, V.V., Slobodyan, S.M. (2007). Analysis of high-tech methods of illegal remote access to computer information. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 310,1, 212-216 (in Russian).
- Polyakov, V.V., Starodubtseva, M.A. (2019). Factors influencing motivation for terrorist activities being implemented with the use of information technologies in transboundary regions. *The role of transnational corporations in the globalization of the economy. Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 364, 188-191.
- Ponkin, I.V., Redkina, A.I. (2018). Artificial intelligence from the point of view of law. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, 22, 1, 91-109 (in Russian).
- Semikalenova, A.I. (2019). Digital traces: appointment and production of expertise. *Bulletin of the University. O.E. Kutafin*, 5, 115-120 (in Russian).
- Sergeev, S.M. (2017). Some problems of countering the use in criminal activities of means to ensure the anonymization of the user on the Internet. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 73, 1, 138 (in Russian).
- Stepanenko, D.A., Bakhteev, D.V., Evstratova, Yu.A. (2020). The use of artificial intelligence systems in law enforcement. *All-Russian criminological journal*, 14, 2, 206-214 (in Russian).
- Sukhodolov, A.P., Bychkova, A.M. (2018). Artificial intelligence in combating crime, its prediction, prevention and evolution. *All-Russian criminological journal*, 12, 6, 753-766 (in Russian).
- Tsurlui, O.Yu., Meshcheryakov, V.A. (2021). Directions for the development of habitoscopy and portrait examination, taking into account information technologies and methods of artificial intelligence. *Forensic expert*, 2, 25-28 (in Russian).
- Ushakov, R.M. (2020). Big data technology as a vector for the development of forensic technology: prospects for application in the context of their legitimacy. *Ural Journal of Legal Research*, 9, 2, 54-70 (in Russian).
- Valiev, K.A., Kokin, A.A. (2001). Quantum computers: hopes and reality. *Izhevsk* (in Russian).
- Vasiliev, A.A., Shpopper, D., Mataeva, M. Kh. (2019). "Grishin's Law" and EU law on robotics and artificial intelligence: a comparative analysis. *Problems of legal and technical protection of information*, VII, 64-70 (in Russian).
- Vasiliev, A.A., Shpopper, D., Mataeva, M.Kh. (2018). The term "artificial intelligence" in Russian law: doctrinal analysis. *Juristics*, 7-8, 35-44 (in Russian).
- Vekhov, V.B. (2009). The concept and mechanism of the formation of electronic digital traces. The use of modern information technologies and the problems of information security in the activities of law enforcement agencies: *Interuniversity thematic collection. scientific works*. Kaliningrad, 62-72 (in Russian).
- Yalyshev, S.A. (2008). High-tech computer products and some problems of their expert research. *Forensic expert*, 2, 41-42 (in Russian).

Zuev, S.V. (2018). Digital environment of criminal justice: problems and prospects. Siberian Legal Bulletin, 4, 118-123 (in Russian).

Citation:

Поляков В.В. К проблеме использования понятия «искусственный интеллект» в криминалистике // Юрислингвистика. – 2022. – 25. – С. 21-28.

Polyakov V.V. (2022). On Using the Concept of "Artificial Intelligence" in Forensic Science. Legal Linguistics, 25, 21–28.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Особенности заголовков законодательных текстов (на примере ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»)

В.И. Поповская

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, 454001, Челябинск, Россия. E-mail: pshen555@mail.ru

В работе предпринята попытка описать особенности заголовков законодательных текстов на примере Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Делается вывод о том, что в законе функционируют заголовки разных типов: заглавия, которые не принадлежат исключительно области юридических текстов и могут использоваться в текстах других типов, и собственно законодательные заголовки, обладающие специфическими чертами, свойственными только юридическому дискурсу. Подобные заглавия представляют собой достаточно устойчивый тип наименований в рамках рассматриваемого дискурса и являются относительно самостоятельными структурными единицами закона. В данной статье собственно законодательные заголовки охарактеризованы как микротексты с правовой семантикой, являющиеся относительно самостоятельными элементами законодательного дискурса, служащие «кодом» специфической юридической информации и, как следствие, выражающие те или иные значения деонтической модальности (модальности долженствования). На основании анализа заглавий, представленного в настоящей работе, делается вывод о том, что, несмотря на традиционное восприятие заголовков как непредикативных единиц, вследствие чего лишены модальных значений, в ряде законодательных заголовков данная категория может быть выражена имплицитно, а в некоторых заглавиях даже частично эксплицирована. В тексте рассматриваемого Федерального закона выделено несколько отдельных групп собственно законодательных заглавий, к которым относятся: а) заголовки с нулевым показателем модальности; б) модальные заголовки с семантикой процессуальности, выраженной отглагольным существительным; в) собственно номинативные заголовки, модальность которых устанавливается в соотношении с заголовками более крупного уровня.

Ключевые слова: заголовок, юридический текст, текст закона, юридический дискурс, деонтическая модальность.

Features of Headings of Legislative Texts (Case Study of the Federal Law "About Bases of Protection of Public Health in the Russian Federation")

V.I. Popovskaya

Chelyabinsk State University

129 Brat'ev Kashirinyh St., Chelyabinsk, Russia. E-mail: pshen555@mail.ru

The paper attempts to describe the features of the headings of legislative texts as in the case of the Federal Law "About bases of protection of public health in the Russian Federation". It has been concluded that in the law there function headings of different types: headings that do not belong exclusively to the field of legal texts and can be used in texts of other types, and legal headings proper, which have specific features that are characteristic only of legal discourse. Such titles are a fairly stable type of titles within the discourse under consideration and are relatively independent structural units of the law. In this article, legislative headings proper are characterized as microtexts with legal semantics, which are relatively independent elements of legislative discourse, serving as a "code" of specific legal information and, as a result, expressing certain meanings of deontic modality (modality of duty). Based on the analysis of titles presented in this paper, it has been concluded that, despite the traditional perception of titles as non-predicative units, and therefore devoid of modal meanings, in a number of legislative titles this category can be expressed implicitly, and in some titles even partially explicated. In the text of the federal law under consideration, several separate groups of legislative titles proper are distinguished, which include: a) titles with a

zero modality indicator; b) modal headings with the semantics of procedurality expressed by a verbal noun; c) proper nominative headings, the modality of which is established in relation to headings of a larger level.

Key words: title, legal text, the text of the law, legal discourse, deontic modality.

Одним из ориентирующих элементов любого текста является его заголовок, служащий в то же время сигналом к прочтению того или иного текстового фрагмента. В реальности непосредственное знакомство читателя с нормами права обычно начинается именно с обзора заглавий структурных элементов закона и параллельной квалификации каждого элемента как релевантного/нерелевантного для реципиента в настоящий момент. В случаях, когда человек работает с электронным текстом, который размещен на правовых интернет-ресурсах, заголовки разделов (глав, статей) закона вообще являются единственным элементом, первоначально доступным пользователю. Тексты законов, представленные на первой странице исключительно в виде списка заглавий (содержания), опубликованы в одних из самых популярных справочно-правовых системах – «Гарант» и «Консультант». При этом кажется вероятным, что в настоящее время большинство граждан знакомятся с текстами законов именно в электронном формате, а в таком случае можно говорить о повышении роли заголовков в функционировании законодательного текста.

В то же время в современной научной литературе достаточно редко поднимаются вопросы о природе, статусе, особенностях функционирования заголовков официально-деловых текстов в целом. Заглавия юридических, а тем более законодательных текстов остаются практически неизученными, несмотря на значительно увеличившееся количество публикаций, поднимающих вопросы интерпретации и понимания правового текста. Однако изучение подобных заглавий необходимо, так как они во многих случаях могут служить ключом к пониманию закона.

Яркость и экспрессивность заголовков публицистических и художественных текстов обусловили их более активное изучение лингвистами. Это позволяет в рамках настоящего исследования опираться на отдельные теоретические положения, разработанные для заглавий рекламных, газетных и художественных текстов.

Традиционно заголовки рассматриваются в литературе с двух позиций: как часть основного текста (его сильная позиция) или как относительно самостоятельный элемент. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос, в каких отношениях друг с другом находятся заглавие и текст и насколько полнозначным сообщением является заголовок. Вероятно, в действительности заглавие имеет двойственную природу и, являясь непосредственной составляющей целого текста, функционирует как самостоятельная единица, обладающая определенной степенью свободы. Такая точка зрения, в частности, представлена в словаре-справочнике «Культура русской речи»: заголовок – это «целостная единица речи (текстовый знак), которая является обязательной частью текста и имеет в нем фиксированное положение – перед и над текстом» [Культура русской речи 2003: 188]. В качестве примера приведем также определения других авторов.

Так, согласно И. Р. Гальперину, заголовок – это «компрессированное, нераскрытое содержание текста, которое можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [Гальперин 2007: 133]. В. С. Мужев под заголовком понимает целостную единицу речи, стоящую перед текстом, являющуюся названием текста, указывающую на содержание этого текста и отделяющую данный отрезок речи от других [Мужев 1970: 86]. Т. А. Филоненко отмечает, что «заголовок выражает основную идею текста, направляет внимание адресата на перспективное изложение идей и задает определенные рамки такому изложению» [Филоненко 2008: 291] и др. Очевидно, что данные определения в полной мере не отражают основные характеристики заглавия законодательных текстов (и даже официально-деловых).

В целом природа заголовка и его функции в значительной степени определяются стилистической и жанровой принадлежностью текста: очевидна разница в отношениях «заголовок – текст» в художественных произведениях, заглавие которых работает на раскрытие их идеи или темы (хотя при этом может и вовсе отсутствовать), и в текстах, принадлежащих официально-деловому стилю, где «заголовок может реализоваться только как вариантный текст» [Трубникова 2010: 121]. Среди универсальных функций заголовков (в меньшей степени зависящих от стилистической и жанровой принадлежности текста) выделяют номинативную, информативную, графически-выделительную, экспрессивно-апеллятивную и рекламную [Дружинская 2018: 40]. При этом существует достаточно большое количество классификаций, в которых выделяются и другие присущие заголовкам функции. Достаточно подробный обзор работ, посвященных данной проблеме, приводится в статье З. Р. Гариповой [Гарипова 2011].

Вероятно, не все перечисленные выше функции свойственны заголовкам законов. Так, например, не реализуются рекламная и оценочно-экспрессивная функции. Закон не нуждается в привлечении к себе аудитории по нескольким причинам: 1) авторитетность и прецедентность данной группы текстов по отношению к другим юридическим текстам; 2) общеобязательность выполнения норм, изложенных в законах; 3) отсутствие альтернативных текстов, которые могли бы бороться за внимание читателя.

В зависимости от этапов знакомства реципиента с конкретным документом можно выделить основные задачи и функции заголовков законодательных текстов.

При первом прочтении закона основная задача заглавий заключается в том, чтобы помочь адресату сориентироваться внутри текста, а также предоставить информацию, достаточную для принятия читателем решения об ознакомлении с тем или иным фрагментом. Вся совокупность заглавий одного закона (его содержание) представляет собой некий тезисный план текста, поэтому обзор заголовков, с которого обычно и начинается знакомство с законом, должен дать реципиенту представление о существующих нормах права, фактически установить их в сознании читателя. Другими словами, видя заголовки «Право на медицинскую помощь», реципиент

должен понимать, что у него это право есть, причем понимать даже в том случае, если он не откроет сам озаглавленный текст.

Обращение к содержанию закона возможно также и на других этапах знакомства с текстом. Так, например, внутритекстовые гиперссылки могут адресовать читателя к конкретной главе/статье закона, поиск которой будет осуществляться по их названиям.

Таким образом, важнейшими для данной категории текстов мы считаем номинативную, информативную и композиционную функции, а в качестве ведущей выделяем функцию навигационную, так как заголовки отдельных разделов закона (наряду с внутритекстовыми гиперссылками) обеспечивают передвижение между частями текста.

Для того чтобы навигационная функция была в полной мере реализована, заголовок должен: а) выражать категорию адресата сообщения (обеспечивать быструю разметку текста по параметру «для меня» / «для специалиста», таким образом выделяя круг текстов, требующих более внимательного прочтения); б) быть достаточно кратким (даже при беглом просмотре содержания предоставлять возможность оценить текст как релевантный/нерелевантный в конкретной ситуации); в) быть информативным, то есть способным транслировать основное содержание текста, а также предоставлять информацию, достаточную для понимания правовой нормы.

Итак, в основе навигационной функции заголовков лежит функция информативная, реализуемая, в первую очередь, языковыми средствами. Рассмотрим с этой точки зрения заглавия ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Анализ списка заглавий (содержания) анализируемого закона позволил выделить несколько отдельных групп заголовков, отличающихся: а) степенью обобщенности транслируемой информации; б) качеством передаваемой информации (в данном случае – возможностью предоставить правовые данные без раскрытия полного текста); в) степенью зависимости от основного (озаглавленного) текста.

Ср.: «Законодательство в сфере охраны здоровья» / «Лечебное питание» / «Выбор врача и медицинской организации».

Первый заголовок не транслирует какую-либо специфическую юридическую информацию, не может выступать в качестве самостоятельного правового знака, тесно связан с основным текстом и вне этой связи вообще не имеет смысла. Данное заглавие выражает только тему той части текста, к которой оно относится, и в этом отношении ничем не отличается от заголовков, функционирующих в других типах текстов. (Ср.: «Российское законодательство в сфере противодействия коррупции» [Аванесян 2013] – название научной статьи). Таким образом, подобные заголовки не принадлежат области исключительно юридических текстов, соотносятся с данной сферой только тематически, что выражается лексемами с правовой семантикой («законодательство»), а следовательно, не могут рассматриваться как специфические явления в рамках законодательного дискурса. Подобные названия было бы более уместным характеризовать как заголовки, функционирующие в законодательном тексте, но собственно законодательными такие заглавия считать нельзя. Следует также отметить, что такого рода заголовки обычно употребляются в разделах, связанных с вводными или заключительными положениями, то есть в тех частях закона, которые в целом имеют общие черты с другими типами текстов (в частности – с научными).

Совершенно иным по своей природе является заголовок «Выбор врача и медицинской организации». Декодирование данного сообщения как части законодательного дискурса в целом (конкретного закона – в частности) осуществляется как минимум так: «Выбор врача и медицинской организации должен быть» (= «Имею право на выбор...»). Из этого следует, что данный заголовок способен транслировать часть правовой информации даже без раскрытия полного текста. Следовательно, подобные заголовки можно рассматривать как отдельный микротекст, «код» какой-либо правовой информации, которая имплицитно представлена в нем полностью (развернутое заглавие равно тексту статьи) или частично (развернутое заглавие дает доступ только к части данных, содержащихся в основном тексте). Именно такие заголовки мы будем считать собственно законодательными.

Заголовок «Лечебное питание», с одной стороны, является самым обычным номинативным заглавием, отражающим основную тему сообщения. Подобные названия являются одними из самых распространенных в любых типах текста. Однако в рамках законодательного дискурса было бы неправильным интерпретировать данный заголовок как относительно самостоятельную единицу. Если бы подобное заглавие предваряло, например, публицистический текст, то, действительно, для реципиента оно служило бы сигналом того, о чем пойдет речь в последующем сообщении, то есть выносило бы основную тему текста в его сильную позицию. Очевидно, что в законе не может просто вестись рассказ о лечебном питании, – должны отмечаться какие-либо правовые аспекты, связанные с данным явлением. В то же время такой заголовок не разворачивается в текст по типу «Лечебное питание должно быть», «Каждый имеет право на лечебное питание» и т. п. Однако если учесть, что данная статья наряду с другими входит в состав главы «Организация охраны здоровья», то соотношение названий этих двух единиц (главы и отдельной статьи) может позволить декодировать сообщение как «Охрана здоровья подразумевает организацию лечебного питания» (= «Лечебное питание должно быть организовано в целях охраны здоровья»). Кроме того, в таком контексте у заглавия «Лечебное питание» появляются дополнительные смыслы: что такое лечебное питание с точки зрения закона (на уровне заголовка прогнозируется наличие дефиниции в основном тексте); как оно должно быть организовано (прогнозируется собственно описание особенностей процесса его организации). Таким образом, рассмотренное заглавие также несет в себе сжатую, закодированную специфическую юридическую информацию, которая раскрывается лишь посредством декодирования данного названия как составного элемента единицы более крупного уровня. Здесь же отметим, что рассмотренные ранее заголовки («Законодательство в сфере охраны здоровья», «Выбор врача и медицинской организации») не обнаруживают такой тесной связи с заглавием раздела, в

который они включены, а потому соотношение «заголовок раздела (главы) – заголовок статьи» не анализировалось в отношении данных единиц.

Итак, из всего вышесказанного можно заключить, что: а) в законодательных текстах функционируют разные по своей природе заголовки; б) лишь часть заглавий закона имеет специфические черты, свойственные только данному виду текстов, и, как следствие, могут считаться особым типом заголовков; в) собственно законодательные заголовки – это своеобразные заголовки-микротексты, являющиеся относительно самостоятельными структурными единицами закона.

Поскольку собственно законодательные заголовки представляют собой особый, достаточно устойчивый и обладающий специфическими чертами тип наименований в рамках рассматриваемого дискурса, необходим их более подробный анализ.

В тексте ФЗ «Об охране здоровья граждан...» нами выделено несколько групп собственно законодательных заглавий.

1. Заголовки с нулевым показателем модальности.

Как известно, законодательный текст является особым способом создания правовой действительности, регулятором общественных отношений, сводом правил, предписывающих определенное поведение человека в юридически значимых ситуациях. Следовательно, закон – мощное средство воздействия на общественное сознание – является репрезентантом деонтической модальности (модальности долженствования). Деонтическую модальность в целом понимают как «характеристику практического действия с точки зрения определенной системы норм» [Ивин 1973]. При этом мы предполагаем, что общая модальность текста должна выражаться и на уровне заголовков.

Рассмотрим группу заголовков, укладываемых в схему «Право кого-либо на что-либо / в какой-либо сфере»: «Право на охрану здоровья», «Право на медицинскую помощь» (субъект – носитель прав – назван в заголовке раздела, в состав которого входят данные главы: «Права и обязанности граждан в сфере охраны здоровья»), «Права работников, занятых на отдельных видах работ, на охрану здоровья» и подобные.

Поскольку в целом юридический дискурс обладает перформативными свойствами, а текст закона способен установить ту или иную правовую норму, данные номинативные заглавия можно рассматривать как имеющие имплицитную предикативность: «Граждане имеют право на медицинскую помощь» («У граждан есть (=должно быть) право...»). Более того, именно в такое предложение и развернуто данное заглавие в тексте статьи. Ср.: «Каждый имеет право на медицинскую помощь» (ст. 19). В тексте заголовка предикативность свернута, однако она легко восстанавливается за счет контекста (употребления в тексте закона) и известной реципиенту лексической валентности («иметь право»).

Таким образом, подобные заглавия репрезентируют значение деонтической возможности, под которой понимается «возможность действий некоторого Агенса, утверждаемая морально или социально ответственным субъектом или институцией» [Падучева 2016: 67].

В рассматриваемом законе использованы и другие заголовки, в которых определенные лексемы выражают значение деонтической необходимости. Напр.: «Обязанности граждан в сфере охраны здоровья», «Недопустимость отказа в оказании медицинской помощи», «Ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц организаций за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья» и т. п. В приведенных примерах модальные значения переданы, в первую очередь, существительными – синтаксическими дериватами, соотносительными с соответствующими глаголами, прилагательными, которые являются первичными специализированными показателями модальности [Александрова 2008: 47].

Поскольку формально все «модальные» заголовки представлены как номинативные (в связи со «свернутой» предикативностью), есть основания говорить о наличии в данной позиции нулевого показателя деонтической модальности (ср. «нулевая связка»).

Таким образом, несмотря на то, что традиционно заглавия рассматриваются как непредикативные единицы, вследствие чего лишены модальности, в ряде законодательных заголовков данные категории могут быть выражены имплицитно или даже эксплицитно.

2. Модальные заголовки с семантикой процессуальности, выраженной отглагольным существительным: «Организация охраны здоровья», «Соблюдение врачебной тайны», «Оплата медицинских услуг» и т. п.

Отметим, что большая часть отглагольных существительных, используемых в заголовках рассматриваемого ФЗ, является синтаксическими дериватами транспозиционного типа с суффиксальным формантом -(е)ние, который в целом и придает значение процесса (соблюдение, применение, урегулирование, оказание, определение, проведение и т. п.). Используются и отглагольные образования на -ация (организация (охраны здоровья), ликвидация), а также слова, образованные бессуффиксным способом, то есть путем усечения глагольной основы: передача, оплата и т. п. Все это производные слова, сохраняющие значения мотивирующего глагола.

При этом многие заголовки с отглагольными существительными тоже являются выразителями модальных значений, однако, на наш взгляд, в подобных названиях все же в первую очередь актуализируются процессуальные значения, в то время как модальные являются добавочными. Так, в заголовке «Соблюдение врачебной тайны» первое существительное, семантика которого одновременно несет модальное и процессуальное значения, позволяет прогнозировать содержание озаглавленного текста как описание особенностей соответствующего процесса, т. е. как, каким образом соблюдается врачебная тайна, какие нормативные аспекты ее соблюдения есть. И, разумеется, из всего этого следует, что она (тайна) вообще должна быть.

3. Собственно номинативные заголовки, модальность которых устанавливается в соотношении с заголовками

более крупного уровня.

К данной группе относятся названия статей, обычно состоящие из сочетания существительное+прилагательное или существительное+существительное (реже). Ранее нами уже был рассмотрен заголовок, входящий в данную группу – «Лечебное питание». В качестве еще одного примера можно привести заголовок «Народная медицина» (входит в главу «Организация охраны здоровья»). Соотношение названий данных единиц текста позволяет декодировать заголовок статьи как «Охрана здоровья может обеспечиваться народной медициной».

Напротив, в названии статьи «Лечащий врач», входящей в раздел «Медицинские работники и фармацевтические работники, медицинские организации», не удастся выделить модальных значений, а следовательно, данный заголовок уместно было бы отнести к типовым (несобственно законодательным).

Группа собственно номинативных заголовков является, на наш взгляд, наиболее спорной, так как, во-первых, очевидна сложность дифференциации законодательных заголовков и заголовков, функционирующих в законодательном тексте (типовых названий, используемых в разных типах дискурса), при их визуальном и формальном сходстве. Во-вторых, нельзя утверждать, что реципиент действительно соотносит в своем сознании заголовок статьи и название более крупного раздела, декодируя таким образом модальные значения.

Итак, в настоящий момент мы можем констатировать, что в текстах законов функционируют разные по своей природе заголовки и лишь часть из них может считаться особым типом законодательных заглавий, которые мы на сегодняшний день характеризуем как микротексты с правовой семантикой, являющиеся относительно самостоятельными элементами законодательного дискурса, служащие «кодом» специфической юридической информации и, как следствие, выражающие те или иные значения деонтической модальности. Из этого следует, что к собственно законодательным мы можем отнести заголовки с нулевым показателем модальности, а также модальные заголовки с семантикой процессуальности, выраженной отглагольным существительным. Вопрос о номинативных, а также о других возможных разновидностях законодательных заглавий нуждается в дальнейшем исследовании и в привлечении дополнительного материала.

Литература

- Аванесян С.А. Российское законодательство в сфере противодействия коррупции, 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-zakonodatelstvo-v-sfere-protivodeystviya-korruptsii>.
- Александрова А.П. Модальные существительные со значением возможности в английском и русском языках / Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2008. - №1. - С. 47-51.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. М., 2007.
- Гарипова З.Р. Повтор как средство взаимодействия заголовка и текста / Филология и культура. - 2011. - №23. - С. 127-131.
- Дружинская О.В. Функции и структура заголовка в «Проекте устава о тюрьмах», составленном Екатериной II / Научный диалог. - 2018. - №10. - С. 37-46.
- Ивин А.А. Логика норм. М., 1973.
- Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. Н. Ширява и др. М., 2003.
- Мужев В.С. О функциях заголовков / Ученые записки. Вопросы романо-германской филологии. М., 1970. - № 55. - С. 86-120.
- Падучева Е.В. Модальность / Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. СПб., 2016. С. 19-78.
- Трубникова Ю.В. Текст и его заголовок: проблема структурного и семантического взаимодействия / Известия АлтГУ. - 2010. - №2-2. С. 121-126.
- Филоненко Т.А. Атрактивные заголовки в научной речи / Известия Самарского научного центра Российской академии наук. «Педагогика и психология», «Филология и искусствоведение». - 2008. - № 2. - С. 290-296.

References

- Aleksandrova, A.P. (2008). Modal nouns with the meaning of possibility in English and Russian. Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences, 1, 47-51 (in Russian).
- Avanesyan, S.A. (2013). Russian legislation in the field of combating corruption. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-zakonodatelstvo-v-sfere-protivodeystviya-korruptsii> (in Russian).
- Culture of Russian speech: an encyclopedic dictionary-reference (2003). Ivanova L.Yu., Skovorodnikova E.N., Shiryava E.N. (Ed.) (in Russian).
- Druzhinskaya, O.V. (2018). Functions and structure of headline in draft charter on prisons composed by Catherine II. Scientific dialogue, 10, 37-46 (in Russian).
- Filonenko, T.A. (2008). Attractive scientific discourse headings. Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. "Pedagogy and Psychology", "Philology and Art History", 2, 290-296 (in Russian)
- Gal'perin, I.R. (2007). Text as an object of linguistic research: a monograph. Moscow (in Russian).

- Garipova, Z.R. (2011). Repetition as a means of interaction between the headline and the text. *Philology and culture*, 23, 127-131 (in Russian).
- Ivin, A.A. (1973). *The logic of norms: a monograph*. Moscow (in Russian).
- Muzhev, V.S. (1970). About header functions. *Scientific notes. Questions of Romano-Germanic philology*, 55, 86-120 (in Russian).
- Paducheva, E.V. (2016). Modality. *Materials for the Corpus grammar of the Russian language. Verb. Part I*, 19-78 (in Russian).
- Trubnikova, Yu.V. (2010). Text and the Title: the Problem of Structural and Semantical Determination. *Proceedings of the Altai State University*, 2-2, 121-126 (in Russian).

Citation:

Поповская В.И. Особенности заголовков законодательных текстов (на примере ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») // Юрислингвистика. – 2022. – 25. – С. 29-34.

Popovskaya V.I. (2022). Features of Headings of Legislative Texts (Case Study of the Federal Law "About Bases of Protection of Public Health in the Russian Federation"). *Legal Linguistics*, 25, 29-34.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Общественная опасность и целесообразность в свете криминализации деяний с признаками административной преюдиции: анализ теории и правоприменения

Ю. С. Караваева

НИУ ВШЭ-Пермь

ул. Студенческая, 38, 614051, Пермь, Россия. E-mail: IUSKaravaeva@hse.ru

Призванное нормативно отграничить преступное от непроступного, уголовно-правовое законодательство вернуло в действующий уголовный закон административную преюдицию. Количество соответствующих норм в Особой части уголовного закона увеличивается, что обуславливает поддержание внимания к данному институту со стороны научной общественности. При этом предметом обсуждения выступают как фундаментальные вопросы природы норм с административной преюдицией, так и частные проблемы юридико-технического порядка. Без преувеличения одним из наиболее сложных вопросов следует признать вопрос об основаниях криминализации соответствующих деяний, поскольку ставит исследователя перед необходимостью объяснить механизм возникновения свойства общественной опасности у деяния, аналогичного ранее совершенному, но этим свойством не обладающему. По большому счету речь идет о наличии объективно существующих свойств, позволяющих отграничить преступное поведение от непроступного. Анализ источников позволяет выделить две точки зрения, сложившиеся среди сторонников административной преюдиции в уголовном законе, в рамках которых возникновение общественной опасности связывается с кумулятивным эффектом, который проявляется либо в совокупном вреде массово распространенных деяний, либо в личностных качествах виновного, склонного к противоправному поведению. Наряду с этим, мы выдвигаем предположение о криминализации отдельных деяний с признаками административной преюдиции по соображениям целесообразности, в обоснование чего приводим данные правоприменительной деятельности судов. Анализ судебной практики и официальной статистики позволяет сделать вывод о том, что на уровне практической деятельности зависимость между общественной опасностью и целесообразностью как основаниями криминализации рассматриваемых деяний и эффективностью нормы четко проявляется: нормы, появившиеся по соображениям целесообразности, относятся к «мертвым». Что же касается оценки общественной опасности рассматриваемых деяний, то далеко не всегда суды разделяют подход законодателя, хотя в целом фактически дифференциация административной и уголовной ответственности имеет место.

Ключевые слова: административная преюдиция, основания криминализации.

Public Danger and Expediency in Relation to Criminalization of Acts with Signs of Administrative Prejudice: Analysis of Theory and Law Enforcement

Y. S. Karavaeva

Perm Higher School of Economics

38 Studentskaya str., 614051, Perm, Russia. E-mail: IUSKaravaeva@hse.ru

Designed to normatively distinguish crime from non-crime, criminal legislation has regained administrative prejudice to the current criminal law. The number of relevant norms in the Special part of the Criminal Law has been increasing, which keeps up the interest of scientific community for this institution. Notably, both the substance of norms with administrative prejudice and incidental problems of legal and technical order become topics for discussion. Without exaggeration, one of the most complicated problems is finding the grounds for criminalization of certain acts, since the researcher faces the need to explain the mechanism triggering the quality of public danger in an act similar to the previously committed, but lacking this quality.

Generally speaking, there objectively exist qualities that allow us distinguish criminal behavior from non-criminal. The analysis of the sources permits identifying two points of view that have developed among the supporters of administrative prejudice in the criminal law, both views associate the emergence of public danger with a cumulative effect, which manifests itself either in the cumulative harm of widespread acts, or in the personal qualities of the liable person, prone to illegal behavior. Besides, we propose the idea of criminalization of certain acts with signs of administrative prejudice for reasons of expediency, in support of which we provide data on the law enforcement activities of the courts. Analysis of judicial practice and official statistics allows us to conclude that at the level of practical activity, the relationship between public danger and expediency as grounds for criminalization of the acts in question and the effectiveness of the norm is clearly manifested: the norms that appeared for reasons of expediency belong to the "dead". As for the assessment of the public danger of the acts discussed, the courts do not always share the approach of the legislator, although in general there is actually a differentiation of administrative and criminal responsibility.

Key words: administrative prejudice, grounds for criminalization.

Присутствие в уголовном законе норм с административной преюдицией вызывало активное обсуждение как в советской, так и в российской уголовно-правовой науке. Учетные на момент разработки и принятия УК РФ 1996 года критические замечания научной общественности обусловили отказ законодателя от использования этого юридико-технического приема конструирования составов преступлений в новом законе. Однако, прежде всего, политическая воля вновь актуализировала подобную законотворческую практику, поскольку после слов Президента РФ в 2009 году о необходимости использования административной преюдиции в целях декриминализации [Послание Президента РФ 2009] действующий Уголовный кодекс РФ регулярно пополняется соответствующими положениями: в частности, за период 2018-2022 гг. появилось 10 таких составов, что увеличило общее количество уголовно-правовых норм с административной преюдицией до 27, не считая ст. 154 и 180 УК РФ, содержащих признаки так называемой «скрытой» преюдиции [Сидоренко 2016: 125-133].

Подобная ситуация позволяет согласиться с Э. Л. Сидоренко, отмечающей, что «состав с административной преюдицией уже поздно рассматривать с позиции возможности его введения в УК РФ» [Сидоренко 2016: 125-133]. Действительно, законодательные изменения совершенно определенно свидетельствуют о намерении и впредь использовать этот юридико-технический способ конструирования составов преступлений в нормах Уголовного кодекса РФ.

Полагаем, что на текущем этапе более перспективным с точки зрения целей уголовно-правового регулирования выступает обсуждение проблем, вызванных непоследовательной позицией законодателя в части технического конструирования составов с административной преюдицией и не всегда ясной логикой криминализации соответствующих деяний. По большому счету, все дискуссии и критические замечания по поводу данных уголовно-правовых норм соответствуют одному из обозначенных направлений: либо исследователи сосредотачиваются на проблемах фундаментального порядка, связанных с правовой природой таких норм, обращаясь к категории общественной опасности и вопросам межотраслевой дифференциации юридической ответственности, соотношению уголовного и административного права в контексте теории «широкого» уголовного права [Есаков 2013: 37-45; Головкин 2016: 139-145], либо предметом обсуждения выступают вопросы частного порядка, связанные с отсутствием юридико-технического единообразия конструкций рассматриваемых норм.

Такое обширное исследовательское поле обусловлено, во-первых, межотраслевой природой административной преюдиции, находящейся на пересечении смежных охранительных отраслей уголовного и административного права. Во-вторых, административную преюдицию можно рассматривать как симптом неизбежного приближения отечественного уголовно-правового закона к точке, именуемой в синергетике точкой бифуркации, лежащей у основания возможных альтернативных путей дальнейшего движения – вспять или вперед. Поднимаемые ею вопросы образуют остов отечественной уголовно-правовой отрасли и науки, а их переосмысление связано с дилеммой сохранения «чистого» уголовного права или стирания догматических границ с последующим максимальным сближением с административным правом.

В связи с указанным особое значение приобретает анализ правоприменительной деятельности как своеобразного индикатора, позволяющего верифицировать предположение законодателя в части обоснованности криминализации того или иного деяния, адекватности законодательной оценки общественной опасности преступления и, в конечном итоге, жизнеспособности уголовно-правовой нормы.

Появлению запрета в уголовном законе должно предшествовать выявление объективной необходимости в криминализации деяния, свидетельством которой выступает существование в обществе явлений, представляющих опасность для его членов и сложившегося социального уклада – в том числе и в силу их распространенности, но при этом не подпадающих под действие актуального уголовного закона. Эти положения имеют значение аксиом теории криминализации и, как представляется, их соблюдение есть залог эффективного уголовно-правового законотворчества. Вместе с тем применительно к нормам с признаками административной преюдиции концепт общественной опасности как основания криминализации деяний оказался поставленным под сомнение, и вот почему.

Наделение деяния свойством общественной опасности традиционно позволяет отграничить его от неправомерных форм поведения. В связи с тем, что из ряда повторно совершенных лицом тождественных административных деяний последнее признается преступным, закономерно возникает вопрос о том, что именно лежит в основе придания ему

свойства общественной опасности. Действительно, последнее из совершенных правонарушений получает уголовно-правовую оценку, ничем не отличаясь при этом от предыдущих противоправных актов. Сохраняется внешнее тождество деяний: неизменным остается объект посягательства, характер и объем причиненного вреда не превышают формально установленные пределы, принципиально не меняются и иные признаки состава. Однако именно повторность административно наказуемых деяний, учтенная законодательно и зафиксированная правоприменителем в актах привлечения к административной ответственности, обуславливает появление оснований для уголовной ответственности.

В уголовно-правовом смысле повторность обычно рассматривается в смысле линии поведения, предполагающей смысловую взаимосвязь каждого последующего проступка с предыдущими посредством, прежде всего, общей конечной цели и намерения выполнить все намеченные этапы. Мы знаем, что если речь идет об уголовно наказуемых проступках, то подобная схема характеризует единичное продолжаемое преступление, чем, однако, деяние с административной преюдицией не является [Лопашенко 2011: 64-71]. Для последнего повторность имеет исключительно техническое значение, позволяя лишь учесть предшествующее противоправное поведение лица в целях привлечения к уголовной ответственности без обращения к анализу субъективной составляющей.

Обращение к конструкции уголовно-правовой нормы с признаками административной преюдиции позволяет предположить, что именно за счет повторности происходит возрастание общественной опасности административного правонарушения до степени, характерной преступлению. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» отмечается, что «общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства» [Постановление 2017]. Значит ли это, что речь идет о механическом суммировании повторных проступков, вредоносность которых за счет накопительного эффекта придает общественную опасность, а следовательно, преступность последнему из них?

Кумулятивный эффект в деяниях с административной преюдицией проявляется не в общем числе противоправных деяний, механическое суммирование которых дает уголовно наказуемый итог, и не в общем объеме наступивших вредных последствий, хотя он может приближаться к критической массе, необходимой для констатации той степени общественной опасности, которая отличает преступление от иного правонарушения, или даже превысит ее. В данном случае эффект накопления имеет место при условии массовой распространенности соответствующих административных правонарушений, проявляясь в конечном массовом вреде, существенность которого приобретает значение социального основания криминализации. Описывая ситуацию массового распространения мелких хищений с возрастанием географической их динамики, И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев указывают, что «при широкой распространенности случаи, объединенные идеологией по типу «не обеднеют», способны поставить на колени даже крупные предприятия, учреждения, организации и т. п. А в совокупности провоцируют возникновение очагов социальной напряженности, что и создает обоснованные предпосылки для справедливой криминализации деяния» [Козаченко, Сергеев 2020: 144]. Отметим, что указанные авторы, рассматривая недостижимость рациональной криминализации и констатируя иррациональность имеющей место, выделяют архетипы последней, среди которых – архетип кумуляции, ярко проявляющийся в нормах с административной преюдицией. Ученые подчеркивают негативный эффект подобного подхода, поскольку «...повторность административного правонарушения не повышает его опасность. Опасность возможна лишь при массовом повторении одних и тех же случаев» [Козаченко, Сергеев 2020: 144].

Полагаем, что подобная логика применима к фактически распространенным непреступным вредоносным деяниям, противодействие которым силами административного права оказалось низкоэффективным. В первую очередь речь идет о побоях, мелких кражах, нарушениях правил дорожного движения и некоторых иных деяниях, криминализованных с использованием административной преюдиции.

Таким образом, повторность, характеризующая механизм накопления общественной опасности от правонарушения к преступлению в нормах с административной преюдицией, объясняет качественную трансформацию некоторого количества непреступных актов в преступный. Анализ научной литературы позволяет выделенную позицию отнести к одной из двух, сформировавшихся среди сторонников рассматриваемого уголовно-правового института и лиц, пытающихся обосновать его существование в уголовном законе. В частности, Н. И. Пикуров определяет административную преюдицию в уголовном законе как «...систему однородных действий, причиняющих совокупный вред одному и тому же объекту» [Пикуров 1998: 177].

Вторая точка зрения также обращается к эффекту накопления общественной опасности в деяниях с административной преюдицией, однако связывает его с укреплением тех личностных качеств виновного, которые обусловили совершение каждого из правонарушений и коррекция которых посредством мер административно-правового воздействия оказалась невыполнимой задачей. В литературе сказано достаточно [Колосова 2011: 246-254; Иванчин 2017: 50-53], чтобы обоснованно заключить о типичном для личности такого преступника состоянии готовности к противоправному поведению, подкрепленному знанием о неуголовном характере правовых последствий содеянного.

В первую очередь в рамках этой позиции появляется необходимость в решении вопроса о соотношении общественной опасности деяния и деятеля, по которому в науке уголовного права единогласия не достигнуто. В целом точка зрения тех ученых, которые обосновывают необходимость учета общественной опасности деятеля при определении аналогичного показателя совершенного деяния, представляется логичной – тем более, что

действующий уголовный закон содержит немало примеров, ее подтверждающих. В частности, речь идет о дифференциации уголовной ответственности с использованием признаков специального субъекта преступления и специального потерпевшего (например, ч. 2 ст. 119 УК РФ), о требовании учитывать признаки личности виновного в рамках индивидуализации уголовной ответственности (ч. 3 ст. 60 УК РФ, ст. 61, 63 УК РФ и др.). Отсюда тезис о том, что в основе качественного преобразования проступков в преступление лежит учтенная общественная опасность виновного, как представляется, не противоречит закону и доктрине.

Таким образом, обоснование общественной опасности деяний с признаками административной преюдиции связывается с кумулятивным эффектом, проявляющимся либо во вредных последствиях, причиняемых массово распространенными проступками, что требует уголовно-правового воздействия, либо в свойствах личности, чье административно наказуемое поведение демонстрирует склонность или готовность к поведению преступному.

Очевидно, что каждая из приведенных позиций неустойчива в некоторой своей части и по-другому быть не может, поскольку законодатель придал легальный характер конструкции, заведомо противоречащей сложившемуся в доктрине и нормативно закрепленному подходу к разграничению преступления и правонарушения. Тем не менее представляется, что рассмотрение опасности деяний с признаками административной преюдиции сквозь призму кумулятивного эффекта и свойств личности преступника позволяет объяснить логику их криминализации – однако не всегда. Имеется в виду ситуация, когда уголовно-правовое законодательство не только, а иногда и в большей степени ориентируется на соображения целесообразности при отсутствии соответствующих социальных предпосылок. Результаты такой деятельности направлены на решение сиюминутных задач, поэтому нормы зачастую отличаются казуистичностью, конъюнктурностью («реактивностью»), их введение в уголовный закон сопровождается нарушением требования его системности, следствием чего выступает их заведомая нежизнеспособность.

Применительно к запретам с административной преюдицией индикатором подобной природы является заметная репрессивность санкций ряда из них. Более того, рассматривая административную преюдицию в уголовном законе в свете межотраслевой дифференциации ответственности и предполагая в связи с этим «обеспечение преемственности, в том числе, в видах юридической ответственности» [Васильевский, Кругликов 2003: 52], именно на примере указанных норм мы можем наблюдать нарушение указанного правила. Речь идет о том, что переход от одного вида ответственности к другому, пусть и в рамках смежных правовых отраслей, не может осуществляться скачкообразно, а преемственность этих видов ответственности обеспечивается последовательным возрастанием интенсивности мер воздействия пропорционально изменению вредоносности или общественной опасности деяния. Обращение к вновь появившимся уголовно-правовым нормам с признаками административной преюдиции показывает, что, как правило, законодатель придерживается этой позиции, относя абсолютное большинство деяний к преступлениям небольшой тяжести (18 из 27). Вместе с тем санкции в ряде норм позволяют относить запрещенные ими преступления к категориям средней тяжести (7), а в одном случае – к тяжким. На недопустимость подобной ситуации уже указывалось в науке: «если составы преступлений с административной преюдицией являются «промежуточным звеном» между правонарушением и преступлением, то характер и степень общественной опасности таких деяний не должна быть высокой» [Фисенко 2019: 164-167], и обоснованность этого возражения выглядит очевидной: действительно, если в чч. 2 и 5 ст. 215.3, ч. 2 ст. 215.4 УК РФ изменение категории преступлений от небольшой до средней тяжести или тяжелой происходит за счет иных криминообразующих признаков состава (способ, предмет, дополнительные последствия), то в ст. 212.1, 280.1, ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 284.1 УК РФ и др. подобные признаки отсутствуют. Несмотря на «промежуточный» характер деяний с административной преюдицией, законодатель приравнивает их общественную опасность к этому же показателю преступлений средней тяжести.

Как было указано выше, эффективность законодательства подтверждается, прежде всего, в рамках правоприменения. Обращение к судебной практике и данным официальной статистики позволит, на наш взгляд, подтвердить или опровергнуть предположение об обоснованности криминализации деяний с признаками административной преюдиции в свете общественной опасности или целесообразности.

Анализ данных Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2019-2021 гг. показывает, что к нормам, не применявшимся ни разу или применявшимся в единичных случаях, относятся по большей части те, в отношении которых мы высказали предположение о целесообразности, лежащей в основе криминализации соответствующих деяний. Будучи реактивными по своей природе и/или имея регулятивную направленность, такие уголовно-правовые запреты редко применяются на практике – в частности, речь идет о ст. 212.1, 215.4, 280.1, ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 284.1, чч. 2 и 3 ст. 330.1 УК РФ [Отчет о числе осужденных 2019; Отчет о числе осужденных 2020; Отчет о числе осужденных 2021]. В марте 2022 года в Уголовный кодекс РФ были введены ч. 1 ст. 280.3, ст. 284.2, очевидно имеющие характер «реакции» государства на актуальную ситуацию, и об их эффективности можно только предполагать.

В отличие от указанных норм, в рассматриваемом периоде активно применялись ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1, 171.4, ч. 1 ст. 215.3, ч. 1 ст. 264.1, ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, что должно оцениваться как подтверждение тезиса об обоснованности криминализации соответствующих деяний. Интересно, что иллюстрацией к утверждению о кумуляции общественной опасности в свойствах личности преступника выступает анализ статистики рецидива применительно к перечисленным деяниям. Так, к примеру, в 2021 году число осужденных по ст. 116.1 УК РФ, имеющих судимость на момент судебного рассмотрения, составило 53%, а еще у 11% судимость была снята или погашена. Среди осужденных по ст. 151.1 УК РФ эти же показатели составили 5% и 3% соответственно; по ч. 1 ст. 157 УК РФ – 38% и 14%; по ст. 158.1 УК РФ – 83% и 4%; по ст. 171.4 УК РФ – 18% и 9%; по ч. 1 ст. 215.3 УК РФ – 18% и 6%; по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ – 34% и 9%; по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ – 96% и 2% [Отчет о характеристике преступления 2021].

Ценность приведенных данных заключается в том, что они характеризуют личность преступника в деяниях с признаками административной преюдиции не только как избравшего линию административно наказуемого поведения, но и как имеющего криминальный опыт. Не будет преувеличением обозначить указанную характеристику типичной – особенно для отдельных деяний, указанных выше. Что касается группы преступлений, в отношении которых мы выдвинули предположение об их криминализации по соображениям целесообразности, то в единичных случаях их выявления, как правило, виновные осуждаются впервые.

Помимо этого, представляется необходимым обратиться к практике определения судами мер ответственности за их совершение, что, на наш взгляд, позволит сделать вывод о правоприменительной оценке адекватности законодательного подхода к определению общественной опасности соответствующих деяний. В связи с этим следует упомянуть исследование С. А. Маркунцова, который, исходя из анализа практики применения ст. 151.1 УК РФ, сделал вывод о том, что увеличения карательного воздействия по сравнению с мерами административной ответственности, назначенными за первое правонарушение, не происходит [Маркунцов 2019: 256-263].

Обратившись к данным о правоприменении за период 2019-2021 гг., можно, во-первых, констатировать, что среди видов наказаний, назначаемых судами за совершение преступлений с административной преюдицией, наиболее часто встречаются исправительные и обязательные работы, штраф, в меньшей степени – реальное лишение свободы. Достаточно часто суд прибегает к возможностям условного осуждения. Эта ситуация объясняется тем, что «работающие» нормы с административной преюдицией устанавливают ответственность за преступления небольшой тяжести, поэтому зачастую наиболее строгое наказание не связано с лишением свободы – этот вид наказания назначается преимущественно при вменении ст. 158.1 УК РФ (43%); ч. 2 ст. 314.1 УК РФ (50%). Что касается размеров штрафов, то в среднем они превышают размеры административных штрафов за аналогичные правонарушения.

Исходя из указанного, можно сделать вывод о том, что в целом дифференциация административной и уголовной ответственности на практике имеет место, поскольку карательная нагрузка назначаемых судами мер превышает воздействие в рамках административного наказания. Представляется, таким образом правоприменитель констатирует большую общественную опасность преступления относительно аналогичного проступка как признака объективной стороны его состава. Вместе с тем обращение к отдельным приговорам судов показывает, что имеют место ситуации, не подпадающие под это обобщение: во-первых, в некоторых случаях суды назначают уголовное наказание, карательная нагрузка которого абсолютно совпадает с ранее назначенным административным наказанием за совершенное правонарушение [Приговор Шабалинского районного суда 2021; Приговор Вологодского районного суда 2020].

Во-вторых, незначительные сроки и размер денежных удержаний в рамках исправительных работ, природа которых некоторыми учеными определяется как «штраф в рассрочку» [Маркунцов 2019: 256-263], ставит вопрос о том, что правоприменитель фактически корректирует представления законодателя о разнице опасности и вредности преступления и проступка. В-третьих, к интересным результатам приводит обращение к практике привлечения к ответственности по уголовно-правовой норме, смежной с нормой, имеющей признаки административной преюдиции – в частности, возьмем ст. 116 и 116.1 УК РФ. Анализ отдельных судебных приговоров позволяет установить, что в значительной части случаев побои (ст. 116 УК РФ) совершаются в совокупности с иными уголовно наказуемыми деяниями (как правило, ст. 119 УК РФ), и назначенное по правилам ст. 69 УК РФ окончательное наказание имеет условный характер. Фактически это приводит к ситуации, когда наказание за побои с признаками административной преюдиции оказывается более ощутимым для виновного, чем мера ответственности, избранная за преступные «сами по себе» побои: например, в 2021 гг. по ст. 116.1 УК РФ 31% виновных осужден к исправительным работам, 43% – к обязательным работам, 20% – к штрафу [Отчет о видах наказания 2021].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что применительно к преступлениям с признаками административной преюдиции на уровне уголовно-правового законодательства создана возможность привлечения к ответственности вне зависимости от того, что лежит в основании криминализации деяния – общественная опасность или целесообразность, поскольку повторность проступка в период административной наказанности (привлеченности к ответственности) автоматически ставит вопрос о его преступности. Однако на уровне практической деятельности зависимость между этими основаниями и применением нормы четко проявляется: нормы, появившиеся по соображениям целесообразности, относятся к «мертвым».

Что же касается оценки общественной опасности рассматриваемых деяний, то далеко не всегда суды разделяют подход законодателя, хотя в целом фактически дифференциация административной и уголовной ответственности имеет место.

Литература

- Васильевский А.В., Кругликов Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003.
- Головкин Л.В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву / Lex Russica. - 2016. - Т. 25. - № 1. - С. 139-145.
- Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле / Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2013. - № 1 (6). - С. 37-45.
- Иванчин А. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве / Уголовное право. - 2017. - № 4. - С. 50-53.

- Козаченко Я.И., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург, 2020.
- Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2011. - №5 (1). - С. 246-254.
- Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 2011. - № 3 (23). - С. 64-71.
- Маркунцов С.А. О применении уголовно-правовых запретов, сконструированных с использованием административной преюдиции / Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». - 2019. - № 3. - С. 256-263.
- Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. В. Наумова. Волгоград, 1998.
- Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. / Российская газета. - 2009. - 13 нояб. - № 214.
- Постановление Конституционного Суда РФ по делу от 10.02.2017 № 2-П «О проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» / Вестник Конституционного Суда РФ. - 2017. - № 2. - С. 59–82.
- Приговор Вологодского районного суда Вологодской области от 22 сентября 2020 года по делу № 1-16/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FLcaimlkNTZO/>.
- Приговор Шабалинского районного суда Кировской области от 29 июня 2021 года по делу №1-2/25/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XeCLAiQNI0JR/>.
- Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы применения / Журнал российского права. - 2016. - № 6. - С. 125-133.
- Ф. 10а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2019 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>.
- Ф. 10а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2020 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>.
- Ф. 10а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2021 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.
- Ф. 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2021 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.
- Ф. 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2021 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.
- Фисенко Д.Ю. Проблемы правовой регламентации института административной преюдиции в действующем уголовном законодательстве / Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы международной научной конференции. Красноярск (4-5 апреля 2019 г.) / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск, 2019. - С. 164-167.

References

- Esakov, G.A. (2013). From administrative offenses to criminal offenses, or about the existence of criminal law in the "broad" sense. *Criminalist's Library. Scientific journal*, 1 (6), 37-45 (in Russian).
- Fisenko, D.Y. (2019). Problems of legal regulation of the institute of administrative prejudice in the current criminal legislation. *Actual problems of combating crime: issues of theory and practice: materials of the international scientific conference*. N.N. Tsukanov (Ed.). Krasnoyarsk, 164-167 (in Russian).
- Golovko, L.V. (2016). Differentiation of administrative and criminal liability under Russian law. *Lex Russica*, 1, 139-145 (in Russian).
- Ivanchin, A. (2017). On the benefits of reasonable use of administrative prejudice in criminal law. *Criminal law*, 4, 50-53 (in Russian).
- Kolosova, V.I. (2011). Administrative prejudice as a means of preventing crimes and improving criminal legislation. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 5 (1), 246-254 (in Russian).
- Kozachenko, Ya.I., Sergeev, D.N. (2020). *New criminalization: a philosophical and legal guide to the world of the criminal and the unapproachable: a monograph*. Yekaterinburg (in Russian).
- Lopashenko, N.A. (2011). Administrative prejudice in criminal law – No way! *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*, 3 (23), 64-71 (in Russian).
- Markuntsov, S.A. (2019). On the application of criminal law prohibitions constructed using administrative prejudice. *Bulletin of the Voronezh State University. The series "Law"*, 3, 256-263 (in Russian).

- Message of the President of the Russian Federation D. A. Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation. (2009). Rossiyskaya Gazeta, 214. (in Russian).
- Pikurov, N.I. (1998). Criminal law in the system of intersectoral relations: monograph / edited by Dr. jurid. of sciences, prof. A.V. Naumova: a monograph. Volgograd. (in Russian).
- Report on the characteristics of the crime, its recidivism and repetition by the number of convicts for all elements of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation. (2021). Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (in Russian).
- Report on the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts on criminal cases. (2019). Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (in Russian).
- Report on the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts on criminal cases. (2020). Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (in Russian).
- Report on the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts on criminal cases. (2021). Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (in Russian).
- Report on the types of punishment for the most serious crime (excluding addition). (2021). Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation "On checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin". (2017). The case No. 2-P. Available from: Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation, 2, 59-82 (in Russian).
- Sidorenko, E.L. (2016). Administrative prejudice in criminal law: problems of application. Journal of Russian Law, 6, 125-133 (in Russian).
- The verdict of the Shabalinsky District Court of the Kirov region . (2021). The case No.1-2/25/2021. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/XeCLaiQNIQJR/> (in Russian).
- The Verdict of the Vologda District Court of the Vologda region. (2020). The case No. 1-16/2020. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/FLcaimkNTZO/> (in Russian).
- Vasilevsky, A.V., Kruglikov, L.L. (2003). Differentiation of responsibility in criminal law: a monograph. St. Petersburg (in Russian).

Citation:

- Караваева Ю.С. Общественная опасность и целесообразность в свете криминализации деяний с признаками административной преюдиции: анализ теории и правоприменения // Юрислингвистика. – 2022. – 25. – С. 35-41.
- Karavaeva Y.S. (2022). Public Danger and Expediency in Relation to Criminalization of Acts with Signs of Administrative Prejudice: Analysis of Theory and Law Enforcement. Legal Linguistics, 25, 35–41.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Семантическое исследование материалов по делам о преступлениях экстремистской направленности с опорой на данные Национального корпуса русского языка (на примере анализа комментариев в социальной сети «ВКонтакте»)

О.В. Зуга

Удмуртский государственный университет

ул. Университетская, 1, 426034, Удмуртская Республика, г. Ижевск, Россия. E-mail: ozuga@rambler.ru

Статья посвящена исследованию известного призыва-лозунга *Бей жидов, спасай Россию*, который был опубликован в качестве комментария к тексту в социальной сети «ВКонтакте». В ходе предварительного исследования установлено, что в высказывании содержатся лингвистические признаки побуждения в форме призыва к активным действиям против группы лиц. Однако сказать однозначно, на какую группу лиц должны быть направлены эти действия, не представляется возможным, так как в анализируемом контексте (текст-стимул + текст-реакция) возможно двоякое понимание существительного «жиды»: группа лиц по признаку их национальной принадлежности либо группа лиц, представителем которой является жадный депутат. Для ответа на вопрос о том, действительно ли существительное «жид» могло использоваться автором спорного текста в значении 'жадный человек', были проанализированы данные Национального корпуса русского языка в период с 2002 года (в это время был принят закон N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») по 2021 год. Лингвистический анализ спорного текста, анализ комментариев автора спорного текста к другим текстам-стимулам, данные Национального корпуса русского языка позволили сделать вывод о том, что в анализируемом комментарии существительное «жид» используется в значении 'еврей'. Следовательно, в спорном тексте содержатся лингвистические признаки выражения нескольких типов значения: унижения группы лиц, выделенной по признаку их национальной принадлежности; смежной угрозы, которая представляет опасность не для адресата, а для третьих лиц (евреев); побуждения в форме призыва к насильственным действиям против группы лиц, выделенной по признаку их национальной принадлежности.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, комментарий в социальной сети, бей жидов, спасай Россию, Национальный корпус русского языка, преступления экстремистской направленности.

Semantic Study of Materials on Extremism-Related Crimes through Data from the National Corpus of the Russian Language (Case Study of Comments on the Social Network VKontakte)

O.V. Zuga

Udmurt State University

1 Universitetskaya Str., 426034, Izhevsk, Russia. E-mail: ozuga@rambler.ru

The article concentrates on the study of the well-known call-slogan *Beet the Jews, save Russia*, which was published as a comment to the text in the social network "VKontakte". In the course of a preliminary study, it was found that this statement contains linguistic signs of motivation in the form of a call for active action against a group of people. However, it is not possible to say unequivocally which group of people these actions should be aimed at, since in the analyzed context (text-stimulus + text-reaction) it is possible to have a double understanding of the noun жид 'Jew, Kike, Yid': a group of people in relation to their nationality or a group of people, with which the greedy deputy is associated. To answer the question of

whether the noun жид could really be used by the author of the disputed text in the meaning of a 'greedy person', data from the Russian national corpus were analyzed in the period from 2002 (herein Law N 114-FZ "On Counteraction of Extremist Activities" was enacted) through 2021. Linguistic analysis of the controversial text, analysis of the comments of the author of the controversial text to other stimulus texts, data from the Russian national corpus led to the conclusion that in the analyzed commentary the noun жид is used in the meaning of 'Jew'. Consequently, the controversial text contains linguistic signs of expressing several types of meaning: humiliation of a group of persons in relation to their nationality; an inherent threat that poses a danger not to the addressee, but to third parties (Jews); inducements in the form of a call for violent actions against a group of persons in relation to their nationality.

Key words: linguistic expertise; commentary on a social network; beat the Jews, save Russia; Russian national corpus; extremism-related crimes.

Самым распространенным объектом лингвистического исследования по делам о преступлениях экстремистской направленности в последние годы являются комментарии в социальных сетях, в частности в социальной сети «ВКонтакте».

Комментарий – это запись-ответ пользователя к постам в социальных сетях. Основная цель комментария – направлять внимание адресатов на новые актуальные факты, выходящие на первый план общественной жизни, и оценивать их [Медиалингвистика... 2020: 372]. Интернет-комментарии завоевали особую сетевую популярность благодаря предоставляемой возможности оперативного выражения согласия или несогласия с автором текста-стимула, развернутого либо лаконичного уточнения нераскрытых моментов; характеризуются наличием оценочного компонента; отражают обыденное политическое сознание рядового носителя языка (см, об этом, например, [Мельник 2017]).

Объектом данного исследования является высказывание *Бей жидов, спасай Россию!*, опубликованное пользователем в качестве комментария к тексту в социальной сети «ВКонтакте». (Здесь и далее авторская орфография и пунктуация анализируемых текстов сохранены. – О. З.) Текст, подлежащий лингвистическому анализу, рассматривается нами как спорный (далее условно – СТ). С позиции лингвистики он представляет собой конфликтный текст (или потенциально конфликтный). Согласно [Чернышова 2017] конфликтный (спорный) текст или конфликтное (спорное) высказывание – это продукт коммуникации, попавший в сферу судебного разбирательства, который в судебном процессе может быть квалифицирован как правонарушение.

Известно, что в структурно-семантическом плане сетевой комментарий несамостоятелен и представляет собой дополнение читателя к общей дискуссии по соответствующей проблеме, а следовательно, его целесообразно рассматривать в составе макротекстового образования, включающего как исходный (комментируемый) текст (далее – текст-стимул), так и другие комментарии читателей [Щипицина 2015: 531]. Ср.: «Для получения достоверных результатов фраза должна анализироваться только в контексте. Исследование отдельных, взятых вне контекста, слов и фраз снижает достоверность заключения. Для решения экспертных задач требуется ситуативный контекст, поскольку оценка одних и тех же единиц языка может варьироваться в зависимости от ситуации их употребления» [Плевако, Куликова 2012: 22].

Текстом-стимулом для анализируемого СТ послужил пост, опубликованный на странице социального сообщества «С нами стыдно, зато весело!»: *Давайте отменим лучше питание ей!! Кто за?.. Депутат Елена Дерягина предложила отменить бесплатное питание для учащихся старших классов. Говорит, слишком дорого выходит.*

Цель исследования – комплексный лингвистический анализ высказывания, установление наличия/отсутствия лингвистических признаков выражения определенного типа значения (на языке права – экстремистского).

В целях разграничения компетенции лингвиста и правоприменителя используем конструкт «лингвистические признаки», так как в процессе лингвистического исследования неизбежно использование понятий, которые одновременно используются в нормативных правовых актах (возбуждение, унижение, призыв и др.), а правовая квалификация речевых действий (вида правонарушения) не входит в компетенцию лингвиста (см. об этом [Противодействие экстремистской деятельности 2021: 93–94] и др.).

Согласно законодательству Российской Федерации для публичного выражения запрещены следующие коммуникативные действия: призывы к совершению действий (экстремистского характера, террористических); оправдание определенных действий и взглядов (терроризма, дискриминационных и/или насильственных действий и др.); пропаганда определенных взглядов, идеологии (негативного отношения, исключительности, превосходства, неполноценности); пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики и символики, сходных с ними до степени смешения; действия, направленные на унижение достоинства человека / группы лиц по признакам расы, пола, языка, происхождения, отношения к религии; угроза совершения насильственных действий; возбуждение социальной, расовой, религиозной розни.

Первое, на что обращает внимание лингвист при исследовании СТ *Бей жидов, спасай Россию!*, – оценочный компонент «жид». Полный и всесторонний анализ этого существительного представлен в работе А. Н. Баранова, по наблюдениям которого «часто ответчики, привлекаемые за использование данной номинации, оспаривают ее негативно-оценочный статус», тем не менее «в современном русском языке нейтральный стилистический оттенок слова жид окончательно утрачен, а бранное употребление приобрело агрессивную окраску под влиянием разнообразных социально-политических факторов...» [Баранов 2007: 459–460]. Аналогичной точки зрения придерживаются и другие исследователи, например, авторы толкового словаря русской разговорной речи: «в языке

XIX – начала XX века слова жид, жидовка были нейтральными наименованиями представителей еврейской нации и не являлись бранными (ср. название одного из рассказов А. И. Куприна «Жидовка»); в качестве бранных слов они стали употребляться в советское время, и этот новый их статус был зафиксирован в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Резко негативными, бранными являются эти слова и их производные и в языке начала XXI века. Ср.: «Слово «жид» в современном русском языке является национальным оскорблением, так как в качестве официального термина используется слово «еврей» (А. Кучерена. Бал беззакония)» [Толковый словарь русской разговорной речи 2014: 556].

Этот вывод подтверждается и данными словарей современного русского литературного языка, в которых существительное жид имеет пометы разговорно-сниженное, презрительное, бранное, пренебрежительное, неодобрительное и под.:

– разговорно-сниженное. Презрительное название еврея [Большой толковый словарь русского языка URL];

– 1. В устах антисемитов – еврей (презрительно). 2. перен. В кругах антисемитов – скряга (прост., бран.). (Первонач. не имело презрительного или бранного оттенка, но впоследствии стало ходовым шовинистическим обозначением еврея и приобрело черносотенно-погромный характер.) [Ушаков URL];

– 1. Разговорно-сниженное. Название еврея (обычно с оттенком пренебрежительности). II. 1. разговорно-сниженное. Жадный человек; скряга. 2. Употребляется как порицающее или бранное слово [Ефремова URL];

– (прост.). Презрительное название еврея [Ожегов 2009: 167].

С аналогичными пометами слово фиксируется и в словарях субстандартной лексики:

– жид, жидяра – еврей. Слова употребляются с дореволюционных времен [Зугумов 2014: 189];

– грубо-прост. Неодобр. Презрительная кличка еврея [Мокиенко, Никитина 2003: 140];

– 1. Груб.-прост. Презрительное, бранное название еврея. 2. Жарг. Умный заключенный. 3. Скряга, жадина [Квеселевич 2005: 216];

– жид, жиденок, жидик, жидок, жидомир, жидюк, жидович, жидина, жидомордия, жидюга, жидяка, жидяра, жидило, жидрило, ср. Жадина, жмот. См. также Вот что жида с русским человеком делают. От общеупотребительного современного оскорбительного «жид» – еврей [Елистратов 2000: 136];

– 1. Презрительное, бранное. В устах антисемита: еврей. 2. переносное. Сниженное, презрительное. О скупом, прижимистом человеке [Толковый словарь русской разговорной речи 2014: 555];

– грубое. Уничижительное. Бранное. О еврее. Обычно в антисемитской среде. Жид2 – сниженное. Бранное. Жадина, скряга. (≈ сквалыга...). Усилительное к жид2 – жидина и жидила [Химик 2017: 245–246].

Таким образом, в анализируемом СТ *Бей жидов, спасай Россию!* содержится резкая негативная оценка группы лиц, называемых автором СТ жидами.

Второй тип значения, выявляемый при исследовании СТ *Бей жидов, спасай Россию!* – угроза, особенность которой заключается в том, что она представляет опасность не для адресата, а для третьих лиц. Такой речевой акт А. Н. Баранов называет смежной угрозой: «образ адресата в анализируемом СТ явно не указан, в то же время высказывание представляет угрозу для адресатов – третьих лиц (евреев). В этом случае угроза понимается как ‘Возможность, опасность какого-либо бедствия, несчастья, неприятного события’, ‘Риск, опасность’» [Баранов 2021: 94]. Вопрос о том, является ли такой тип значения экстремистским с юридической точки зрения, не входит в компетенцию эксперта-лингвиста. Задача лингвиста – полно и всесторонне описать анализируемый СТ.

Третий тип значения, выявляемый при исследовании СТ *Бей жидов, спасай Россию!* – побуждение. Установление наличия/отсутствия в спорном речевом произведении речевого акта призыва – самая частотная задача лингвистической экспертизы по делам экстремистской направленности.

В анализируемом СТ реализованы следующие компоненты «успешного призыва» (согласно [Осадчий 2013]):

- вербальный императив выражен эксплицитно – формой повелительного наклонения глагола бить (бей);

- образ способа совершения действия выражен глаголом бить (бей);

- образ объекта действия выражен существительным «жид» в форме множественного числа (жидов);

- образ адресата формально отсутствует, однако анализ коммуникативной ситуации позволяет говорить о том, что адресатом является неопределенный круг лиц, но в первую очередь члены социального сообщества «С нами стыдно, зато весело!», на странице которого и был размещен комментируемый текст. Ср.: «участники коммуникации, обращаясь друг к другу, одновременно адресуют свои высказывания неограниченному кругу лиц, которые имеют возможность прочитать сообщения» [Бердникова 2019: 35].

Призывы такого типа А. Н. Баранов называет оценочно-мотивированными, стратегия их построения заключается, по его мнению, в том, что «сначала за счет отрицательной (или положительной) оценки формируется противопоставление между двумя (или более) сообществами (религиозными, национальными и пр. группами), при этом отрицательные характеристики приписываются с помощью слов сниженного слоя лексики, а также с помощью лексем, содержащих в своем значении отрицательный компонент значения (слова типа «хачик», «азер», «жид»). Далее отрицательная (или положительная) оценка используется для мотивации действия (шире – поведения), к которому призывает говорящий [Баранов 2007: 462–463].

Как мы уже отмечали, комментарий в интернет-коммуникации создается как текст-реакция на предшествующий стимул, в связи с чем должен быть исследован в целостном контексте. Текст-стимул: *Депутат Елена Дерягина предложила отменить бесплатное питание для учащихся старших классов. Говорит, слишком дорого выходит.* Комментарий-реакция: *Бей жидов, спасай Россию!*

Анализ коммуникативной ситуации позволяет сделать следующий вывод: в анализируемом СТ *Бей жидов, спасай*

Россию! содержатся лингвистические признаки побуждения в форме призыва к активным (насильственным) действиям (бей) против группы лиц (существительное «жид» автор использует в форме мн. ч.). Однако сказать однозначно, на какую группу лиц должны быть направлены эти действия, не представляется возможным, так как в анализируемом контексте возможно двоякое понимание существительного «жиды»:

(1) против группы лиц по признаку их национальной принадлежности: относящихся к народностям, исторически восходящим к одному из древних народов семитской языковой группы (евреи);

(2) против группы лиц, представителем которой является Елена Дерягина (Елена Дерягина является депутатом; жадные депутаты – жиды, то есть жадные люди). См. данные толковых словарей выше. Возможно, автор СТ, используя существительное «жиды», говорит о жадности депутатов, в частности депутата Елены Дерягиной. На такой вариант прочтения указывают и комментарии других пользователей к приведенному тексту-стимулу, в частности комментарий пользователя с именем «Олеся»: *Детям бесплатное отменяют, а им сделают.... Все никак не могут нахалить себе, жмоты. Видать своих внуков нет.* (Жмот – Сниженное. Пренебрежительное. Скрыга, скупой человек (≈ сквалыга...) [Химик 2017: 251].

И при первом, и при втором варианте прочтения глагол «бить» в анализируемом контексте имеет следующее значение: 2. (св. побить). Кого (чем, по чему). Наносить удары, побои; избивать, наказывать. Бить слуг. Бить по щекам. Бить за воровство; либо 4. Кого (чем). Убивать выстрелом или ударом какого-либо оружия; резать (домашний скот, птицу). Бить тюленей каждую зиму. Бить наповал [Большой толковый словарь русского языка URL].

Отдельно следует оговорить установление отнесенности к какой-либо социальной группе: эксперт-лингвист не может квалифицировать какую-либо группу, если она не относится к национальной, религиозной, расовой, языковой, как социальную. Эксперт-лингвист использует описательное номинирование (например, сотрудники полиции, чиновники, представители власти, антифашисты, алкоголики, проститутки и т. п. [Судебная экспертиза по делам о преступлениях экстремистской направленности 2016: 135–136; Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 57].) Экспертам также следует знать, что представители власти и чиновники общепризнанно не являются ни социальной, ни профессиональной группой [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 57].

Чтобы ответить на вопрос о том, действительно ли существительное «жид» могло использоваться автором СТ в значении 'жадный человек', обратимся к Национальному корпусу русского языка. Проанализируем использование оценочного «жид» носителями языка в период с 2002 года (в это время был принят закон N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») по 2021 год.

Запрос 1: *Бей жидов спасай Россию*

После введения данного запроса было получено всего 8 контекстов: случаи употребления зафиксированы в основном (5х), газетном (1х) и устном (2х) подкорпусах. Нет ни одного случая использования в этом контексте существительного «жид» в значении 'жадный':

Основной корпус (2003 год – 4х; 2011 год – 1х)

1. *Очевидно, подписантов письма статья с силой примагнитила к себе прежде всего самим своим эпиграфом – «Бей жидов, спасай Россию!» (Русский фольклор). Для поколений этот «русский фольклор» стал символом унижения и уничтожения еврейского народа* [Александр Избицер. Наш брат, согревающий нас шинелью // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.09.14];

2. *Напрасно я погромщиков молю. Под гогот: «Бей жидов, спасай Россию!» – насилует лабазник мать мою». Дорогие господа монреальцы-граждане Канады!* [Александр Избицер. Наш брат, согревающий нас шинелью // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.09.14];

3. *А уже подходили белые. И по городу были развешаны листовки: «Бей жидов, спасай Россию!». Был концерт. Сидели три человека* [Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь (2003)];

4. *Другая пресса писала, что кокаин, напротив, имел место, и никто его никуда не подсовывал, и что порочить Березовского таким образом глупо, поскольку он и так главный российский мерзавец и дальше падать некуда. А пламенный журналист Александр Невзоров, который в начале карьеры трудился под лозунгом «бей жидов, спасай Россию», но позже решил спасти Родину вместе с БАБом, даже рассказывал, что лично вытаскивал Лизу из отделения милиции. ДУХ ОБУГЛЕННОГО ПИНОЧЕТА. Произошедшая двумя годами раньше история со сгоревшей квартирой не такая туманная, как с кокаином-героином* [Екатерина Милая. Отец-герой, дочь-героинка // «Вслух о...», 2003.07.01];

5. *Возьмем национал-социализм в крайнем виде – нацизм и всякое «бей жидов – спасай Россию»* [коллективный. Форум: О детях и национализме (2011)].

Газетный подкорпус

6. *А у нас в партии без него ничего не происходит. Но что касается марша, я не понимаю, почему, если вы всегда за русских, то обязательно против грузин, азербайджанцев и осетин. Они чем мешают? И почему русский марш всегда заканчивается «бей жидов, спасай Россию». Почему? Почему? Д.Р: Борис, я хочу рассказать тебе анекдот* [Рогозин признался, что у него есть автомат, и он готов воевать // Новый регион 2, 2006.10.18].

Устный подкорпус

7. [0] *То есть более агрессивный / только в этом отличие? А какие-то лозунги фашизма можете назвать / сформулировать? [5, муж, 33] № 5. Бей жидов / спасай Россию. (Все смеются. [0] № 0. А еще? [Беседа в Москве // Фонд «Общественное мнение», 2003];*

8. [Крашенинников, муж] *Там есть пределы / в законе. [Гудков, муж] А зачем нам книги / которые могут привести к массовым беспорядкам / возбуждению каких-то экстремистских проявлений? [Абель, муж] Их надо сжечь. [Гудков, муж] Ну есть же листовки / "Бей жидов / спасай Россию" / это нормально? [Ганопольский, муж] Любая книга может привести к*

массовым беспорядкам. [Гудков, муж] *Думаю / "Мурзилка" вряд ли приведет к беспорядкам.* [Гананольский, муж] *Вы знаете / книга / которая чаще всего приводит к массовым беспорядкам / это Конституция России* [Беседа о молодежном экстремизме в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004].

Запрос 2. *Жид.*

Примеров значительно больше, но контексты с анализируемым существительным в значении 'жидный' тоже не выявлены. Есть, например, имя собственное (его использованием объясняется большое количество примеров в 2003 году): *Вера и правда: Андре Жид и Лион Фейхтвангер в Москве Владимир Паперный. Жид приезжал в Москву в 1936 году. Фейхтвангер – в 1937-м. Оба представляли собой меньшинства: один – французский гомосексуалист, другой – немецкий еврей* [Владимир Паперный. *Вера и правда: Андре Жид и Лион Фейхтвангер в Москве* // «Неприкосновенный запас», 2003.07.14].

Основной корпус: 1x – 2016, 2015; 2x – 2013, 2005, 2004; 5x – 2012; 6x – 2007; 8x – 2011, 2006; 10x – 2009; 11x – 2008, 2002; 29x – 2003.

Запрос 3. *Жидина.*

Примеров нет.

Запрос 4. *Жидиться.*

Значение слова: жидничать, скупиться, вести себя как жид (жадина) [Химик 2017: 246]. Всего 3x (в основном корпусе):

1. *Писатель Эдуард Тополь о мальчиках-олигархах и уроках демократии: Так писатель Эдуард ТОПОЛЬ охарактеризовал сложившуюся в России ситуацию в открытом письме Борису Березовскому, опубликованном в «АиФ» в сентябре 1998 г. ПЯТЬ лет назад Тополь призывал евреев-олигархов «не жидиться», скинуться по миллиарду или даже по два и помочь России на ее кровавом переходе от коммунизма к цивилизации. Скинуться не только деньгами, но и мозгами, талантами, употребив свою силу, власть и богатство на спасение России из пропасти, иначе быть беде. Власть и бизнес неотделимы?* [Писатель Эдуард Тополь о мальчиках-олигархах и уроках демократии // «Аргументы и факты», 2003].

2. *Рабочий стул – обязательно хороший, чтобы спину поддерживал (опять же, лучше не жидиться и купить хороший операторский стул с высокой спинкой, но без подлокотников – потому что ребенок обычно пытается «висеть» на подлокотнике, скобочась). Так что удачи вам – и не затягивайте с этим, чем скорее начнете заниматься, тем лучше* [Наши дети: Подростки (2004)].

3. *Когда весной этого года она выступала в московском Большом зале консерватории, я купил пару билетов в амфитеатр всего за тридцать тысяч рублей, в партере они стоили в разы дороже. Это была ошибка, не надо жидиться на партер, концерта прошла мимо меня: Чечилию не только слушают, но и смотрят, она поет всем своим пленительно пластичным телом, глазами, бровями, ушами, ноздрями. Приятель мой, который летит на Чечилию в Амстердам, говорит, что тамошний партер он купил за 59 евро* [Александр Тимофеевский. *Чечилия* // «Русская жизнь», 2012].

Таким образом, данные Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что в период с 2002 года по 2021 год существительное «жид» используется носителями языка только в значении 'еврей', исключение – имя собственное в произведении Владимира Паперного; значение 'жидность' передается только глаголом «жидиться». Следовательно, данные корпуса позволяют сделать вывод о том, что автор анализируемого СТ использует существительное «жид» в значении 'еврей', а не в значении 'жидные люди'.

Кроме данных Национального корпуса русского языка, на такое прочтение (высказывание является призывом бить жидов, где жид – презрительное название еврея) указывает и то, что, во-первых, автор СТ не использовал никакие средства для того, чтобы читатель понял значение существительного жид иначе (не 'еврей', а 'жидный человек'), чем все его понимают (понимание носителями языка этого слова отражено в данных Национального корпуса русского языка); во-вторых, контекстуальный анализ всех представленных для анализа комментариев автора анализируемого нами СТ. Во всех своих комментариях к разным текстам, опубликованным в разное время в социальной сети «ВКонтакте», автор СТ использует существительное «жид» только в значении 'еврей':

– текст-стимул: пост *Китай у нас из под носа увел великую Сибирь!* Текст начинается словами *Пока по всем зомбоящикам страны рассказывают об успехах России в Сирии, у нас из-под носа увели Сибирь. А за все надо платить – Китай воспользовался тем, куда себя загнала Россия, и полностью поимел с изгоя. <...>* И заканчивается словами *Вот такая очередь стоит на границе с Китаем. Целые вереницы фур с Сибирским лесом! Вот вам и завоевывают китайцы мир по тихому;*

комментарий: *Курятник дырявый! Совсем охренели, рожи жидовские, пора гнать их на хрен начинать и все национализировать!;*

– текст-стимул: пост *Молодец паренек! Поддержим за смелость!!* Текст с плаката на фото: *Пенсионерам – зарплату депутатов. Мамам – зарплату министров. А депутатам – прожиточный минимум. Согласны?*

комментарий: *Давно пора, так сделать, Россией должны управлять русские, а не жида! А у нас, куда не плюнь,*

повсюду они, черви дырявые!;

– текст-стимул: пост *Россия опять простила долг. На этот раз Киргизии в \$240 млн.*

комментарий: *Жида сидят на шее нашей, россияне! Иногда кажется, что нацисты были правы, ох как правы!;*

– текст-стимул: пост *Письмо женщин России к президенту РФ Путину В.В.!* Текст начинается словами: *Женщина письмо свое выложила- Сегодня отравила на сайт Президента открытое письмо! Читайте, поддерживайте! – и*

заканчивается словами *Бесспорно, Владимир Владимирович, Вы потрясающий внешний политик, спасибо...*

комментарий: *Надо убирать жидовскую власть давно!;*

– текст-стимул: *А вдруг чудо случиться... А вы знали, что в нашей стране человеку-инвалиду, у которого нет ноги, каждый год нужно приходить на осмотр и подтверждать, что он инвалид, иначе ему не будет льгот. «Действительно, а вдруг вырастет новая?!»*

комментарий: *Жиды специально, наш народ гнобят, сами нытики, про себя холокост придумали, которого не было, вся грязь в мире от них!;*

– текст-стимул: *Пермский молебен на месте предполагаемой стройки хасидской синагоги – ВИДЕО «...Против нечисти сатанинской и мерзости жидовской...» Молебен православных христиан, Пермь, 12.10.2019;*

комментарий: *Нет жидам, всюду лезут, как черви!;*

– текст-стимул: *Умничка! Поддержим за смелость!!* Текст с плаката на фото: *У них – вся прибыль от природных ресурсов, у нас – двойные налоги и работа до смерти!;*

комментарий: *Пора жидов на место ставить, и от куда они берутся, вылазят как черви после дождя, давят их, давят, а они все лезут и лезут!*

В словаре крылатых слов и выражений русского языка значение СТ *Бей жидов, спасай Россию* описано следующим образом: «Антисемитский лозунг, который был призван направить народный гнев не на подлинных виновников социально-экономических бедствий, а на национальное меньшинство» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2014: 94]. Анализ приведенных текстов-стимулов и комментариев автора СТ позволяет аналогичным образом охарактеризовать его речевую цель: обвинить во всех бедах русских национальное меньшинство. Язык автора приведенных комментариев выражает резкую негативную оценку группы лиц, выделенных по национальному признаку.

Таким образом, лингвистический анализ СТ *Бей жидов, спасай Россию*, анализ комментариев автора СТ к другим текстам-стимулам, данные Национального корпуса русского языка позволяют сделать вывод о том, что в анализируемом СТ существительное «жид» используется в значении 'еврей', а значит, в СТ содержатся лингвистические признаки выражения следующих типов значения:

1) унижения группы лиц, выделенной по признаку их национальной принадлежности (евреи), на что указывает резкая негативная оценка, в которой отражается презрительное отношение к группе лиц и превосходство над ней. Речевая цель автора СТ: информирование о враждебно-неуважительном отношении к предмету речи;

2) смежной угрозы: представляет опасность не для адресата, а для третьих лиц (евреев). В этом случае угроза понимается как 'Возможность, опасность какого-либо бедствия, несчастья, неприятного события', 'Риск, опасность'. Вопрос о том, является ли такой тип значения экстремистским с юридической точки зрения, не входит в компетенцию эксперта-лингвиста;

3) побуждения в форме призыва к активным (насильственным) действиям (бей) против группы лиц, выделенной по признаку их национальной принадлежности. Наличие семантики императива, установленный характер активных действий и группы лиц, на которых эти действия должны быть направлены, а также множественный, обобщенный характер адресации – все эти факторы позволяют говорить о том, что анализируемое высказывание является прямым призывом к активным (насильственным) действиям (бей) против группы лиц по признаку их национальной принадлежности: относящихся к народностям, исторически восходящим к одному из древних народов семитской языковой группы (евреи) [Большой толковый словарь русского языка], называемых автором СТ «жиды».

Литература

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М., 2007.

Баранов А. Н. Угроза в криминалистическом дискурсе (семантика и прагматика). М., 2021.

Бердникова Т. В. Определение адресованности побуждения в экстремистских материалах (на примерах из интернета) / Теория и практика судебной экспертизы. – 2019. – Том 14. – № 3. – С. 34–39.

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: в 2-х т. Магнитогорск, 2014.

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов 2000. URL: <http://gramota.ru/>

Елистратов В. С. Словарь русского арго. Материалы 1980–1990 гг. М., 2000.

Зугумов З. М. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический толковый словарь преступного мира. М., 2014.

Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2005.

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.

Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М., 2020.

Мельник Н. В. Лингвоперсонология политического интернет-комментария / Политическая лингвистика. 2017. № 5(65). С. 47–51.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русской брани. Матизмы, обцензизмы, эвфемизмы. СПб., 2003.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2009.

Осадчий М. А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М., 2013.

- Плевако С. В., Куликова М. Г. Лингвистическая экспертиза: справочник для судей, следователей, адвокатов, доверенных представителей и патентных поверенных. М.; Барнаул, 2012.
- Противодействие экстремистской деятельности: учебное пособие / отв. ред. А. М. Будаев. М., 2021.
- Современный толковый словарь русского языка / под редакцией Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://bit.ly/3uVPeRa>
- Судебная экспертиза по делам о преступлениях экстремистской направленности: монография / О. Н. Матвеева, Н. В. Вязигина, М. М. Градусова [и др.]; под ред. О. Н. Матвеевой. Барнаул, 2016.
- Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А–И / М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова [и др.]; отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2014.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/800330>
- Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <https://goo.gl/qn597W>
- Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2-х т. М., 2017.
- Чернышова Т. В. Медиатекст и его место в структуре курса «Основы лингвоконфликтологии» / Медиалингвистика. – 2017. – № 3(18). – С. 53–63.
- Щипицина Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария / Вестник Башкирского университета. Серия «Филология и искусствоведение». – 2015. – Т. 20. – № 2. – С. 528–531

References

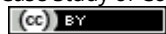
- Baranov, A. N. (2007). Linguistic examination of the text: theory and practice: textbook. Moscow (in Russian).
- Baranov, A. N. (2021). Threat in forensic discourse (semantics and pragmatics): a monograph. Moscow (in Russian).
- Berdnikova, T. V. (2019). Determining the addressing of inducement in extremist materials (using examples from the Internet). Theory and practice of forensic science, 14(3), 34–39 (in Russian).
- Berkov, V. P., Mokienko, V. M., Shulezhkova, S. G. (2014). A large dictionary of winged words and expressions of the Russian language: in 2 volumes: a monograph. Magnitogorsk (in Russian).
- Budaev, A. M. (ed.) (2021). Counteraction to extremist activity: textbook. Moscow (in Russian).
- Chernyshova, T. V. (2017). Media text and its place in the structure of the course "Fundamentals of Linguistic Conflictology". Media Linguistics, 3(18), 53–63 (in Russian).
- Duskaeva, L. R. (ed.) (2020). Medialinguistics in terms and concepts: a reference dictionary. Moscow (in Russian).
- Efremova, T. F. (ed.). Modern explanatory dictionary of the Russian language. Available from: <https://bit.ly/3uVPeRa> (in Russian).
- Elistratov, V.S. (2000). Dictionary of Russian Argo. Materials 1980–1990. Moscow (in Russian).
- Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ "On Counteracting Extremist Activities". Available from: <https://goo.gl/qn597W> (in Russian).
- Glovinskaya, M. Ya., Golanova, E. I. [and others], Krysin, L. P. (ed.) (2014). Explanatory dictionary of Russian colloquial speech. Vol. 1: A–I. Moscow (in Russian).
- Khimik, V. V. (2017). Explanatory dictionary of Russian colloquial and everyday speech: in 2 volumes. Moscow (in Russian).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Yu. A., Sekerazh, T. N. (2014). The methodology for conducting forensic psychological and linguistic examination of materials in cases related to countering extremism and terrorism. Moscow (in Russian).
- Kuznetsov, S. A. (Editor-in-chief) (2000). The big explanatory dictionary of the Russian language. Available from: <http://gramota.ru/> (in Russian).
- Kveselevich, D. I. (2005). Explanatory dictionary of profanity in the Russian language. Moscow (in Russian).
- Matveeva, O. N., Vyazigina, N. V., Gradusova, M. M. [and others] (2016). Forensic examination in cases of extremist crimes: a monograph. Barnaul (in Russian).
- Melnik, N.V. (2017). Linguopersonology of political Internet commentary. Political Linguistics, 5(65), 47–51 (in Russian).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2003). Dictionary of Russian abuse. Matisms, obscenisms, euphemisms. St. Petersburg (in Russian).
- Osadchiy, M. A. (2013). Russian language on the verge of law: The functioning of the modern Russian language under the conditions of legal regulation of speech: a monograph. Moscow (in Russian).
- Ozhegov, S. I. (2009). Explanatory dictionary of the Russian language. Skvortsov, L. I. (ed.). Moscow (in Russian).
- Plevako, S. V., Kulikova, M. G. (2012). Linguistic expertise: a guide for judges, investigators, lawyers, trusted representatives and patent attorneys: a monograph. –Moscow, Barnaul (in Russian).
- Schipitsina, L. Yu. (2015). Genre status of online commentary. Bulletin of the Bashkir University. Series "Philology and Art History", 20(2), 528–531 (in Russian).
- The Russian National Corpus. Available from: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (in Russian).
- Ushakov, D. N. Explanatory dictionary of the Russian language. Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/800330> (in Russian).
- Zugumov, Z. M. (2014). Russian-speaking jargon. Historical and etymological explanatory dictionary of the underworld. Moscow (in Russian).

Citation:

Зуга О.В. Семантическое исследование материалов по делам о преступлениях экстремистской направленности с опорой на данные

Национального корпуса русского языка (на примере анализа комментариев в социальной сети «ВКонтакте») // Юрислингвистика. – 2022. – 25. – С. 42-49.

Zuga O.V. (2022). Semantic Study of Materials on Extremism-Related Crimes through Data from the National Corpus of the Russian Language (Case Study of Comments on the Social Network VKontakte). *Legal Linguistics*, 25, 42–49.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понятийно-категориальное описание конфликтной ситуации (на примере интернет-комментариев на тему вакцинации от коронавируса)

Н. Д. Голев¹, В. С. Мельникова², Д. А. Юнг³

¹Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, 650000, Кемерово Россия. E-mail: ¹ngolevd@mail.ru, ²melnikovavika2017@yandex.ru,

³daschaschulzik@mail.ru

Статья посвящена структурно-функциональному исследованию конфликтного текста. В работе ставятся задачи рассмотрения особенностей конфликтных текстов, которые были размещены в Сети в качестве комментариев к теме вакцинации от коронавируса подростков, рассмотрена сущность конфликта, причины возникновения и перспективы разрешения. В контексте юрислингвистики отмечены прагматические факторы с позиций иллокуции, локуции и перлокуции. В ходе работы были проведены количественные и качественные анализы комментариев с точки зрения юридической лингвистики.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, юридическая лингвистика, конфликтная ситуация, коронавирус.

Conceptual and Categorical Description of the Conflict Situation (Case Study of Internet Comments on Vaccination against Coronavirus)

N. D. Golev¹, V. S. Melnikova², D. A. Jung³

Kemerovo State University

6 Krasnaya st., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: ¹ngolevd@mail.ru, ²melnikovavika2017@yandex.ru,

³daschaschulzik@mail.ru

The article focuses on the study of the conflict text. This study aims to consider the features of conflicting texts that were posted on the Web as comments on the topic of vaccinating adolescents against coronavirus, the essence of the conflict, the causes and prospects for resolution are considered. In the context of forensic linguistics, pragmatic factors are specified from the standpoint of illocution, locution and perlocution. In the course of the work, quantitative and qualitative analyzes of the comments were carried out from the point of view of forensic linguistics.

Key words: linguistic expertise, forensic linguistics, conflict situation, coronavirus.

Конфликт как феномен является объектом исследования различных наук: юриспруденции [Голев 2002: 113], социологии [Петровская 1977: 5], психологии [Гришина 2008: 218], педагогики [Прокуденко 2010: 132]. Для лингвиста интерес представляет речевая специфика конфликта [Третьякова 2004: 112], ибо конфликт возникает между людьми, выражающими несогласие в разрешении какого-либо вопроса или ситуации вербальными или невербальными средствами коммуникации. Но, несмотря на активизацию исследований в области лингвоконфликтологии, остаются открытыми многие вопросы природы и типологии языковых конфликтов.

Антропоцентризм лингвистики XXI века predetermined иное научное видение традиционных объектов языковедческих исследований. К числу новых научных школ относится и кемеровская научная школа «Социально-когнитивное функционирование русского языка» (основатель – профессор Н. Д. Голев), где лингвосоциальный компонент научной деятельности школы представлен в следующих исследовательских направлениях: юрислингвистика и лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, обыденная лингвополитология.

Для современной юрислингвистики все более актуальным становится феномен конфликтного текста. Он содержит в себе скрытое или явное противоречие, столкновение взглядов на спорные моменты и достаточно часто выступает проявлением конфликта интерпретаций [Ким 2007: 9; Кишина 2015: 368]. Такое понимание конфликта создает потребность научного моделирования конфликта по линии факт – интерпретация – конфликт и его типологии в этой связи. Хорошей площадкой для решения такой научной задачи является интернет-общение. Тексты обсуждения новостей или других публикаций становятся неотъемлемой частью интернет-коммуникации, в частности социальных сетей и блогов, привлекающих на сегодняшний день большое число людей, между которыми нередко возникают конфликты. В нашем исследовании мы ставим задачи рассмотрения структурных и функциональных особенностей конфликтных текстов, их возникновения, протекания и разрешения конфликтов в этой связи. На основе анализа названных феноменов и процессов мы ставим задачу разработки структуры типологии речевых конфликтов в Интернете.

В литературе уже делались попытки выстраивания типологий в связи с юрислингвистической практикой [Голев 2006: 18; Кишина 2015: 370; Мельник 2014: 53] и др. В нашем исследовании делается другой акцент: мы намерены охарактеризовать основные модели построения конфликтных текстов в интернет-коммуникации, их семантическое наполнение и функциональные характеристики; а также рассмотреть особенности конфликтного потенциала обсуждаемого интернет-текста, его генезис и перспективы.

Эмпирическим материалом исследования послужили комментарии к посту на тему вакцинации от новой коронавирусной инфекции в группе «Инцидент Кузбасс» в социальной сети Instagram. Исходный пост выглядел так: «Глава Анжеро-Судженска Александр Рыбалко рассказал о первом случае вакцинации против коронавируса в городе. Как уточняет в соцсетях мэр, привиться девочке рекомендовал областной врач-эндокринолог. – Утром первый компонент вакцины «Спутник М» получила анжерская школьница. Привиться как можно раньше девочке порекомендовала областной эндокринолог. Перед вакцинацией ребенка тщательно осмотрели медики. После укола школьницу оставили еще на 30 минут в поликлинике для наблюдения, – пишет Рыбалко. Он добавил, что родители ребенка также вакцинированы от коронавируса. Также градоначальник уточнил, что прививку могут получить и другие подростки Анжеро-Судженска в возрасте от 12 до 17 лет в центральной детской поликлинике. По его данным, в городе имеется 60 доз вакцины "Спутник-М"».

Обращение к интернет-комментариям как объекту лингвистических исследований объясняется его богатыми эвристическими возможностями, о которых пишут исследователи, например, Е. В. Новгородова (Кишина) [Кишина 2015: 376].

Методология исследования определяется его принадлежностью к Кемеровской научной школе социально-когнитивного функционирования русского языка. Ее лингвоконфликтологическая концепция определяется тем обстоятельством, что конфликты возводятся к их когнитивным основаниям – конфликту интерпретаций, а на выходе рассматриваются с точки зрения их юридизации: потенциальной или реальной, если становятся предметом юрислингвистической экспертизы [Голев 2014: 84].

Сущность конфликта заключается в противоречии между необходимостью проведения вакцинации широких слоев населения и мнением определенной части аудитории по поводу этического, нравственного и правового решения вопроса обязательного вакцинирования граждан, в том числе детей.

В контексте лингвистического моделирования речевого конфликта важно то, что прагматические факторы мы можем выделить с позиций иллокуции (цели говорящего), локуции (проанализировав само высказывание) и перлокуции (определив воздействие на адресата).

Теоретической основой анализа избранного конфликтного текста послужила универсальная схема понятийного описания конфликта, разработанная А. Я. Анцуповым и С. В. Баклановским [Анцупов 2009: 40]. К основным ее компонентам относятся: сущность, классификация, структура, функции, генезис, эволюция, динамика, системное информационное описание, предупреждение, разрешение, исследование и диагностика.

Итак, обобщив семантическое содержание всех комментариев под постом, говорим о том, что возникло явное противопоставление мнений по поводу необходимости вакцинации. Люди разделились на «за» и «против». Несколько примеров. «За»: «Жаль всех непривитых. Видимо и правда одно из последствий перенесенного Ковида, это ОТУПЛЕНИЕ!!! Мозг видимо начинает тормозить и откатывается в развитии экономики, а пару веков, когда люди думали, что врачи – это шарлатаны, а лекарства – яды». «Против»: «🤔 Что же вы делаете с детьми? Своих детей на опыты лютому ВОЗу. 😞 Как же будет трагично раскаяние... Господи, спаси от необдуманных поступков ... #стопфашизм #стопкоронавирус».

В результате создается особое психологическое напряжение между участниками коммуникации: «Родителям совсем по хрен на своего ребенка. Или у них в запасе еще 10, чтобы так разбрасываться». Для передачи интенций используются как вербальные, так и невербальные средства выражения (смайлы, эмодзи).

Основным способом реализации речевого конфликта стал коммуникативный акт: «Оооо, понесся негатив...».

Тип конфликта – смешанный, поскольку реализуются сразу несколько типов противоречий. Наиболее яркое воплощение имеет этический конфликт. Комментаторы под публикацией стали задавать провокационные вопросы риторического содержания. Мы выделили, на наш взгляд, более показательные: Родители ставят эксперименты? Это семейный вопрос или государственный? Польза или вред? А что с ней будет в будущем? Что им за это дали?

Обратимся к структуре конфликта. В содержательном смысле преобладают комментарии, передающие отрицательные эмоции: «Ого, сколько «добрых» комментаторов-антиваксеров. Вам какое дело? Кто хочет и ставит.

Откуда столько негатива?», а также дающие отсылку к конфликтным действиям в будущем: «В школе, где учится эта несчастная девочка, будет, над кем поржать».

Несмотря на практически абсолютное главенствование отрицательной, враждебной тематики комментариев, данный коммуникативный конфликт выполняет как деструктивные, так и конструктивные функции. Перечислим основные из них.

Деструктивные функции: создание психологического накала – комментарии эксплицируют негативные эмоции и создают напряжение. Формирование негативного образа другого: в процессе обсуждения создаются оппозиции «свой–чужой», «мы–вы». Формирование деструктивного лидера в коллективе: авторитетное мнение одного из комментаторов может оказать негативное влияние на личность других людей.

Конструктивные функции: средство активизации социальной жизни – обсуждение вопроса вакцинации помогает выявить проблемные точки. Развитие межличностных отношений – пост вызвал довольно активное обсуждение, участниками которого стали люди различного возраста, социальных групп и т. д. Средство сплочения группы – в процессе обсуждения собеседники с похожими точками зрения консолидируются.

Наиболее сложной единицей считывания конфликта является генезис. На развитие конфликта влияют различные признаки: личностные, психологические (напряженная эпидемиологическая ситуация), возрастные (целевая аудитория – от 16 до 40 лет). Языковая компетенция (не все соблюдают нормы русского речевого этикета), а также социокультурный контекст в совокупности влияют на развитие конфликта.

Рассмотрим тематический аспект конфликта. В ходе анализа нами были выделены следующие группы комментариев.

1. Случившаяся ситуация – издевательство родителей над ребенком, их глупость. Осуждение врача-эндокринолога, упоминаемого в тексте, а также медицинских работников вообще.

2. Комментарии по поводу девочки – сводятся к тому, что для нее / ее семьи есть определенные выгоды за прививку.

3. Случившаяся ситуация – издевательство родителей над ребенком, их глупость.

4. Осуждение врача-эндокринолога, упоминаемого в тексте, а также медицинских работников вообще.

5. Выступающие против описываемой ситуации, а также вакцинации вообще.

6. Выступающие против споров вокруг вакцинации, занятие нейтральной позиции – формат «огнетушителя».

7. Выступающие против антипрививочников.

В первой группе комментариев доминирует мотив вакцинации как эксперимента: «Это что за родители, которые дали согласие на эксперименты над своим чадом, таких самих на опоры надо. Или ребенок с приюта которого и не спрашивали тогда врачей на мыло за это». На языковом уровне используются хештеги, построенные по принципу языковой игры: «#стопфашизм #стопкоронавирус».

Вторая группа – комментарии по поводу девочки – сводятся к тому, что для нее / ее семьи есть определенные выгоды за прививку. Наиболее характерны для данного типа такие средства художественной выразительности, как ирония и сарказм: «А Героя России ей не дали?», «Интересно что пообещали семье, деньги или розыгрыш айфона?», «Наверное, срочно ку-коды семье нужны 😊» (кстати, здесь есть невидимая аналогия с «ку-ку»), «Премия года в студию 🍌 из всего театральщину сделают».

Третья группа – «Случившаяся ситуация – издевательство родителей над ребенком, их глупость». Доминирует обценная, бранная, жаргонная лексика: «Есть же дебилы 🤡», «Поздравьте долб...ов родителей 🍌», «Родители тоже видать деградировали!!! Зачем им здоровые внуки-то 😊», «Дебилы разрешают проводить эксперименты над собой и над детьми» – это мнение поддержали 54 человека, «лайкнув» комментарий.

Четвертая группа – «Осуждение врача-эндокринолога, упоминаемого в тексте, а также медицинских работников вообще». Идет намеренное умаление профессионализма эндокринолога, уличение его в коррупции: «Интересно эндокринолог еще в России или уже за границей купила себе жилье???». Ставится под сомнение вопрос о необходимости прививаться. Примеры соответствующих комментариев: «Видать «хороший» эндокринолог-то», «Истеришка 😊 один долбанутый врач антиваксер не вакцинировался, можете теперь все застрелиться 😊».

Пятая группа – «Выступающие против описываемой ситуации, а также вакцинации вообще». В большинстве случаев используются смайлы, эмодзи: «👉👉👉 (рука, лицо)», «😡😡😡 (гнев)». Распространяются домыслы вокруг вакцины и ее последствий для девочки: «Наблюдаем за здоровьем девочки. Интересно, когда вырастет она родить ребенка сможет? Никто не знает какой генетический код заложен в вакцине. Останется бесплодной».

Шестая группа – «Выступающие против споров вокруг вакцинации, занятие нейтральной позиции – формат «огнетушителя»». На синтаксическом уровне преобладают простые предложения. Они могут быть как малого объема: «Норм, че. Надо скорее всем привиться», «Оооо, понесся негатив...», так и большого. Под вторыми часто подразумеваются призывы к отвлечению внимания на другие вопросы и стороны жизни: «Мне вот одно интересно, если тем, кто против прививки, пофиг на тех, кто собирается прививаться и наоборот, то почему все продолжают оскорблять друг друга? Как будто больше тем для разговоров нет, как только друг на друга лаять...», «Вот блин народ всем надо свои пять копеек вставить!!! Взрослые все люди и всякую хрень пишут, оставьте своё мнение при себе, живите и радуйтесь жизни».

Седьмая группа – «Выступающие против антипрививочников». Один комментарий в положительной коннотации, «за прививку»: «Норм, че. Надо скорее всем привиться». Остальные же более агрессивны и направлены скорее не на вакцину, а на тех, кто ее отрицает: «Жаль всех непривитых. Видимо и правда одно из последствий перенесенного Ковида, это ОТУПЛЕНИЕ!!! Мозг видимо начинает тормозить и откатывается в развитии экономики, а пару веков,

когда люди думали, что врачи – это шарлатаны, а лекарства – яды». В данной группе особое яркое противопоставление «себя» другим, привитых непривитым. Вводятся такие новые лексемы, как «антиваксер», «ковид диссидент»: «Ого, сколько «добрых» комментаторов-антиваксеров. Вам какое дело? Кто хочет и ставит. Откуда столько негатива?», «Ковид диссиденты, жгите! 😊», «Антиваксерам остается срать себе на голову от злости».

В ходе работы был проведен количественный и качественный анализ комментариев. Больше всего таких у группы 1 – «Случившаяся ситуация – издевательство родителей над ребенком, их глупость» и 6 «Выступающие против антипрививочников». Это подтверждает и максимальное количество лайков под ними. Реплики встречаются разной степени окрашенности – агрессивные, нейтральные, латентные. Речевая агрессия в данных комментариях направлена в большей степени на саму проблему вакцинации от коронавируса. В некоторых случаях один комментарий порождает другой от совершенно иного пользователя – так рождается конфликт внутри конфликта. Примечательно, что на момент окончания анализа поста возникали все новые комментарии – это свидетельствует о фактической незавершенности конфликта.

По признаку сферы проявления конфликт первоначально относится к социально-бытовым, но выходит на уровни политического, экономического конфликтов. По степени длительности и напряженности данный конфликт относится к острым и длительным. По признаку субъектов конфликтного взаимодействия настоящий конфликт типа «личность – группа», также есть проявление межгруппового конфликта: «за» и «против» прививок. По признаку социальных последствий конфликт деструктивный, поскольку он препятствует эффективному взаимодействию и принятию решений. По признаку предмета конфликт реалистический (вызван неудовлетворением определенных требований участников или несправедливым, по мнению одной или обеих сторон, распределением между ними каких-либо преимуществ). По признаку источника возникновения – объективно обусловленный, так как он возник в сложной противоречивой ситуации взаимодействия людей – вопрос вакцинации. По признаку возникновения конфликт стихийный. По признаку эмоциональности – высокоэмоциональный. По признаку управления – неуправляемый (стихийный). По признаку затухания – спонтанно прекращающийся (в рамках интернет-публикации).

Общая причина конфликта – социально-бытовая, связана с глобальными противоречиями в вопросе вакцинации подростков/населения. Личная причина здесь проявляется по причине беспокойства о состоянии здоровья.

Таким образом, анализ текста позволяет выявить структуру конфликта и на этой основе создать его типологию. Наше исследование показало наличие следующих типов речевого конфликта в социальных сетях: деструктивный, этический, общественный, речевой типы. Созданная типология позволяет ориентироваться в его специфических проявлениях и помогает оценить возможные пути его разрешения. К таковым мы относим выявление закономерностей развития с целью их конструктивного регулирования и предупреждение таких конфликтов. Последнее связано с созданием объективных, организационно-управленческих, социально-психологических и психологических условий их профилактики. Например, можно вести разъяснительную работу с населением о пользе вакцинации: показывать исследования, авторитетные мнения, организовывать дискуссии с влиятельными в области здравоохранения и в обществе людьми, вести статистику привитых и т. д.

Выделенные типы и этапы конфликта отражают существенные моменты, характеризующие его развитие от возникновения до потенциального разрешения. Знание основного содержания каждого из этапов необходимо для его прогнозирования, оценки и выбора технологии управления.

Литература

Анцупов А. Я., А. И. Шпилев. Конфликтология: Учебник для вузов. М., 2000.

Анцупов А. Я., Баклановский С. В. Конфликтология в схемах и комментариях. СПб., 2009.

Голев Н. Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности / Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под редакцией Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово, 2006. С. 7-28.

Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов / Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. М., 2002. – С. 110-123.

Голев Н. Д., Ким Л. Г. Лингвоперсонология и обыденное метаязыковое сознание (варианты и инварианты интерпретирующей языковой личности рядового носителя русского языка) / Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. М., 2014. Ч. I. С. 81-94.

Гришина Н. В. Конфликтология, 2-е изд. СПб., 2008.

Дударева Я. А., Шпильная Н. Н. Комментарий в социальных сетях как результат реплицирования (на материале Интернет-комментариев о вакцины от ковида) / Политическая лингвистика. – 2021. – № 6 (90). – С. 54-64.

Ефремов В. А. Речевая агрессия в интернет-дискурсе: случай группы «Vuceta rosa» / Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. В 2 томах. Том 2: монография / под науч. ред. Н. Д. Голева, отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово, 2021. С. 98-125.

Иваненко Г. С. Факторы конфликтогенности коммуникации в социальной сети / Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. В 2 томах. Том 2: монография / под науч. ред. Н. Д. Голева, отв. ред. Л. Г. Ким. – Кемерово, 2021. С. 125-135.

- Ким Л. Г. Множественность интерпретации как конфликтопровоцирующий фактор (на материале одного объявления) / Юрислингвистика. – 2007. – №8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnozhestvennost-interpretatsii-kak-konfliktoprovotsiruyuschiy-faktor-na-materiale-odnogo-obyavleniya-1>
- Кишина Е. В. Когнитивные основания конфликта интерпретаций / Когнитивные исследования языка – 2015. – № 23. – С. 368-377.
- Мельник Н. В. Текстовое моделирование языковой личности / Языковая личность: Моделирование, типология, портретирования. Сибирская лингвоперсонология. Ч 1. / под ред Н. Д. Голева и Н. Н. Шпилной. М., 2014. С. 33-80.
- Палеха Е. С., Садыкова И. А. Комментарии пользователей социальных сетей: еще раз об агрессивном тексте / Вестник ТГГПУ. – 2018. – № 2 (52). – С. 98-101.
- Петровская А. Д. О понятийной схеме социально-психологического конфликта. М., 1977.
- Попкова Л. М. Имплицинтные смыслы в конфликтном тексте / Вестник НовГУ им. Ярослава Мудрого. – 2009. – № 54. – С. 54-57.
- Прокуденко Н. А. Речевой конфликт как коммуникативное событие / Юрислингвистика. – 2010. – №10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-konflikt-kak-kommunikativnoe-sobytie-1>
- Социально-когнитивное функционирование языка: Коллективная монография / Глав. ред. Н. Д. Голев; отв. ред. Е. В. Кишина. Кемерово, 2017.
- Третьякова В. С. Речевой конфликт и аспекты его изучения / Юрислингвистика. – 2004. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-konflikt-i-aspekty-ego-izucheniya-1>
- Тубалова И. В., Эмер Ю. А. Конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации / Вестник ТГУ. – 2013. – № 377. – С. 30-35.

References

- Antsupov, A. Ya., Baklanovsky, S. V. (2009). Conflictology in schemes and comments. Moscow (in Russian).
- Antsupov, A. Ya., Shipilov, A. I. (2000). Conflictology: Textbook for universities. St. Petersburg (in Russian).
- Dudareva, Ya. A., Shpilnaya, N. N. (2021). Commentary in social networks as a result of replication (on the material of Internet comments on the vaccine against covid). Political Linguistics, 6 (90), 54-64 (in Russian).
- Efremov, V. A. (2021). Speech aggression in the Internet discourse: the case of the "Buceta rosa" group / Social networks: a complex linguistic analysis. In 2 volumes. Vol. 2: monograph / under scientific. ed. N. D. Golev, responsible ed. L. G. Kim. Kemerovo, pp. 98-125 (in Russian).
- Golev, N. D. (2002). Legal regulation of speech conflicts and legal linguistic expertise of conflictogenic texts / Legal reform in the Russian Federation: general theoretical and historical aspects, Moscow 110-123 (in Russian).
- Golev, N. D. (2006) Linguo-theoretical foundations of the typology of a linguistic personality / Linguistic personology: types of linguistic personalities and personality-oriented learning: monograph / edited by N. D. Golev, N. B. Lebedeva, N. V. Saykova, E. P. Khomich. Barnaul; Kemerovo, pp. 7-28 (in Russian).
- Golev, N. D., Kim, L. G. (2014). Linguopersonology and everyday metalanguage consciousness (variants and invariants of the interpreting linguistic personality of an ordinary native speaker of the Russian language) / Linguistic personality: Modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology. Moscow, Part I, pp. 81-94 (in Russian).
- Grishina, N. V. (2008). Conflictology, 2nd ed. St. Petersburg (in Russian).
- Ivanenko, G. S. (2021). Conflictogenicity factors of communication in a social network / Social networks: a comprehensive linguistic analysis. In 2 volumes. Vol. 2: monograph / under scientific. ed. N. D. Golev, responsible ed. L. G. Kim. Kemerovo, pp. 125-135 (in Russian).
- Kim, L. G. (2007). Multiplicity of interpretation as a conflict-provoking factor (based on one ad). Jurislinguistics, 8. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnozhestvennost-interpretatsii-kak-konfliktoprovotsiruyuschiy-faktor-na-materiale-odnogo-obyavleniya-1> (in Russian).
- Kishina, E. V. (2015). Cognitive grounds for the conflict of interpretations. Cognitive Language Studies, 23, 368-377 (in Russian).
- Melnik, N. V. (2014). Textual modeling of linguistic personality. Linguistic personality: Modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology. Ch 1. / edited by N. D. Golev and N. N. Shpilnaya. Moscow, pp. 33-80 (in Russian).
- Palekha, E. S., Sadykova, I. A. (2018). Comments of users of social networks: once again about the aggressive text. Bulletin of TSGPU, 2 (52), 98-101 (in Russian).
- Petrovskaya, A. D. (1977). On the conceptual scheme of the socio-psychological conflict. Moscow (in Russian).
- Popkova, L. M. (2009). Implicit meanings in the conflict text. Vestnik NovGU im. Yaroslav the Wise, 54, 54-57 (in Russian).
- Prokudenko, N. A. (2010). Speech conflict as a communicative event. Jurislinguistics, 10. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-konflikt-kak-kommunikativnoe-sobytie-1> (in Russian).
- Socio-cognitive functioning of the language: Collective monograph / Chapter. ed. N. D. Golev; ed. E. V. Kishina. Kemerovo, 2017 (in Russian).
- Tretyakova, V. S. (2004). Speech conflict and aspects of its study. Jurislinguistics, 5. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-konflikt-i-aspekty-ego-izucheniya-1> (in Russian).
- Tubalova, I. V., Emer, Yu. A. (2013). Conflict text in oral and virtual everyday communication. Bulletin of TSU, 377, 30-35 (in Russian).

Citation:

Голев Н.Д., Мельникова В.С., Юнг Д.А. Понятийно–категориальное описание конфликтной ситуации (на примере Интернет–комментариев на тему вакцинации от коронавируса) // Юрислингвистика. – 2022. – 25. – С. 50-55.

Golev N.D., Melnikova V.S., Jung D.A. (2022). Conceptual and Categorical Description of the Conflict Situation (Case Study of Internet Comments on Vaccination against Coronavirus). *Legal Linguistics*, 25, 50–55.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. ИНФОРМАЦИЯ.

Цифровой мир: терминологический словарь-справочник в определениях официальных документов

И.Р. Бегишев, Д.Д. Берсей, Д.В. Кирпичников, А.А. Шутова, З.И. Хисамова

Терминологический словарь-справочник [Бегишев 2022] представляет собой логический итог многолетней кропотливой работы авторов по поиску, анализу и систематизации терминов и определений, отраженных в различных кодексах, федеральных законах, указах и распоряжениях Президента Российской Федерации, постановлениях и распоряжениях Правительства Российской Федерации, ведомственных актах федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, межгосударственных, государственных, национальных и отраслевых стандартах, руководящих документах, дорожных картах, различных методических рекомендациях и указаниях, разработанных и принятых в период современной новейшей истории нашей страны.

Рецензентами терминологического словаря-справочника выступили известные ученые-«цифровики» – Сидоренко Элина Леонидовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций МГИМО МИД России, и Петренко Сергей Анатольевич, доктор технических наук, профессор, руководитель центра информационной безопасности Университета Иннополис, эксперт секции по проблемам информационной безопасности научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации.

Повсеместное развитие цифровых технологий на сегодняшний день есть объективная и закономерная тенденция. Включившись в общественные отношения, став их неотъемлемой частью, цифровые технологии закономерно повлекли модификацию социальных

практик. С наибольшей очевидностью эти явления проявились в части становления и развития цифровой экономики, а вслед за ней и цифровой безопасности.

Академические дискуссии о «цифровой эре» имеют тенденцию создавать вариации при категоризации и определении массы опосредованных технологий и человеческих взаимодействий, которые предлагаются как часть цифрового мира. Словосочетание «цифровой мир» широко используется как неисчислимое существительное с множеством возможных значений и вариаций. Этот фразеологизм чаще всего применяется при определении уровня владения цифровыми технологиями и цифровой грамотности.

Модификация социальных практик есть закономерный процесс, на современном этапе обусловленный цифровизацией, которая, будучи сквозным явлением, отличается широкой распространенностью и охватывает большинство сфер общественной жизни. При этом такое изменение общественных отношений в отдельных случаях образует необходимость переработки соответствующей терминологии и неизбежно влечет к расширению и изменению официального цифрового понятийно-категориального аппарата.

Кроме того, указанная проблема является актуальной для всех отраслей экономической деятельности. В юриспруденции, в частности в правотворческом процессе, важность данной проблемы стоит наравне со значимостью законов в общественной

жизни. От точности терминологии в законодательных актах зависит правильность выражения воли законодателя, соответственно, и эффективность применения правовых актов.

В целях достижения поставленной цели – установления и обобщения определения основных понятий в цифровой сфере – коллектив авторов предпринята попытка сбора и систематизации существующих терминов и их определений, представленных во всей массе отечественных правовых актов и нормативных технических документов, официально опубликованных в Российской Федерации в период с сентября 1991 г. по декабрь 2020 г. включительно.

Без системно упорядоченной терминологии невозможен прогресс в науке и практике, в связи с этим специалисты любой сферы научных знаний стремятся систематизировать применяемую ими терминологию и закрепить ее в своеобразных терминологических словарях или справочниках.

Алфавитное расположение дефиниций и оформление их в соответствии с общепринятыми правилами делает представленный материал в смысловом и структурном отношении связанным, что облегчает его восприятие и последующее использование.

Основным критерием включения слова или словосочетания в данный справочник являлось его фактическое использование в актуальных текстах правовых и технических источников как термина, обозначающего явления и реалии современной науки, техники и технологий в цифровой сфере.

Несомненно, коллектив авторов отдает себе отчет в том, что данный терминологический словарь-справочник не лишен недостатков по причине достаточно большого массива источников правовой информации, быстро развивающихся общественных отношений в цифровой сфере, и с благодарностью воспримет конструктивные замечания, рекомендации и предложения.

Верим, что проделанная нами работа будет в целом способствовать развитию отечественной науки, воспитанию научных кадров и облегчит практическую деятельность специалистов различных областей и сфер деятельности в условиях цифровой экономики.

Издание может быть использовано преподавателями, докторантами, аспирантами, студентами гуманитарных, технологических и технических вузов и факультетов, а также экспертами в сфере цифровой трансформации и цифровых технологий.

Надеемся, что представленное научное издание привлечет внимание широкого круга специалистов и будет полезно при осуществлении научной, исследовательской и педагогической деятельности.

Подписано в печать 22.09.2022 г.

Дата публикации издания 01.10.2022 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2022